

МЕНА

НОВЫМ
ГОДОМ!

24 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С Л Е Н Е Н Н Ы М

эпелоне начался тиф. Мне, как врачу, приходилось ухаживать за всеми больными нашего поезда. Их с каждым днем становилось все больше.

В конце декабря нас застал бурен. Семь суток наш состав, занесенный снегом, стоял в степи, вдалеке от жилья. У нас было много дров и скучные зависы ели поджюмак к коню. Наши просенененде алелка заключенные на варах. При тридцатиградусном морозе была такой бурен, что нам, ослабшим, почти невозможно было выйти из теплушки. Когда бурен стих, мы все вместе пошли расширять путь. Состав двинулся дальше. И в 31 декабря нас ждала «подарок» — поезд, врезавшийся в следку. В печуре доторела последние цюнка. Все-таки мы держались собранно, старались подбодрить друг друга, хотя никто не знал, что ждет нас впереди. Я вышел к большому в другой вагон и по пути увидел что-то черное среди снега.

— Товарищи! Саксау! Да, это были дрова. Это и было нашим спасением. Думаю, что никто из нас в эту ночь не ждал более драгоценного новогоднего подарка...

Так, в тяжелой борьбе с паризмом, голодом, разрухой, шла коммунисты России к светлому будущему, боролись за счастье народа.

Первая встреча с молодым адвокатом Вадимом Ульяновым, не однажды измеренные тысячелетней сибирские степи, победы, эмиграция, 1905 и 1917 годы, незабываемая атмосфера тех лет, полная борьбы и революционной романтики, мечтаний, в одинаковой мере свойственных и двадцатилетним и старикам, трудности, преодолеваемые сознанием правоты своего дела, големыи, но прекрасные годы гражданской войны, поездки по стране, первые пятлетки, Отечественная война, послевоенные трудности, XX съезд партии — долгожданный для всего нашего народа, для каждого советского человека... Вот эти жизни страны и моей жизни.

И вот мы встречаем теперь наш новый, 1962 год.

Как не похожа эта встреча на те прежние! В этот Новый год, оглядываясь на прошлое, мы явственно видим, какой стала наша страна. И, посмотрев друг другу в глаза, мы скажем или просто по-

думаем: какой огромный, нечеловечески трудный путь прошли мы! И я хочу, чтобы молодежь наша, наша смена, всем сердцем своим повела, ради чего мы, люди старшего поколения, шли на смерть, терпели лишения, повела, что наш необычный 61-й и эта встреча 62-го — победа. Дюо победа спонствует всем, кто борется, всем, кто знает, за что он борется.

Какому, даже самому высокообразованному современному государству под силу за несколько лет совершить то, что сделало Советским Союзом только за один 1961 год? Я говорю не только о достижениях нашей экономики, науки, сельского хозяйства и культуры. Я говорю и о воспитании моральных качеств, о характере человека, особенно молодежи. Посмотрите на прекрасную молодую поросль из бригад коммунистического труда. Ведь это новые люди. И в этом, по-моему, одно из самых значительных наших завоеваний.

Людам независимо от возраста по естественному закону природы свойственно в конце Нового года оглянуться на прошлое. Это так. Но я хочу сказать и о другом. Именно нынешний год, как, может

быть, никакой другой, дал нам прекрасную возможность взглянуть в будущее.

Почему именно этот, 1961 год? XXII съезд нашей партии в своих принципиальных глубоких мыслях, в строгих научных подсчетах с ленинской прозрачностью дал нам самую совершенную отгадку, чтобы взглянуть в будущее. И это — самое прекрасное зрелище на свете.

Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Никита Сергеевич Хрущев образно сравнил три Программы партии с трехступенчатой ракетой. Первая ступень вырвала нашу страну из капиталистического мира. Вторая подняла ее к социализму. Третья призвала вывести нас на орбиту коммунизма.

Вновь и вновь перечитывая Программу, думаю, как каждое слово, мы видим этот путь, освещенный светом ленинской партии, — путь в наше прекрасное и очень близкое будущее. Можно без преувеличений сказать: новый, 1962 год мы встречаем вместе с Лениным. Он с нами.

С Новым годом, Дорогие друзья!

и слегка кружится голова.
Тук-тук-тук...
А ведь надглет день — что минуты, пролетят год,— я и нечюну, как немая тень, словно тень,
навек, навегда.
И найдется, заддадут вопрос: для чего он над стихом корпей?

Как другие, жила, смеялся, рос, а зачем-то все писал и пел...
Что ж, по-своему правы они: мог познать я мир иных удач, мог прожить свой земные дни средь обедов, имении и дач.

Только нет! Грозою мир пропах. Чем безмолвно в этой жизни тлеть, лучше с песней звонкой тубай разрыва сердца умереть.
И когда-то расцветет спирень в майский день, посаженная мной.

Значит, не нечюну я, как тень, значит, стану светом и весной.

...Мне не спится. Подняла поря.
До утра весь мир улет, затих. Только мне не нужно, докторя, в эту чюну снотворных никакых. Снег муришит, ах, белый снег идет, я, как счастье, белый ветер плю.
Мой народ вступает в новый год, я ему бесмертне пою.

Снова звон — часот старинных бой. Это он нарушил мой покой. Зябко дрогнул. Тут услыша бой, в слух окаял, месца голубой, изумленно смехом заиграю и в оконной форточке астраля. Ты не смеяса, месца, надо мной, месца, месца, ты же ведь ручной.

Открыла в тишину окно. За спиною часот бесонный зюно. — Смертный человек ты

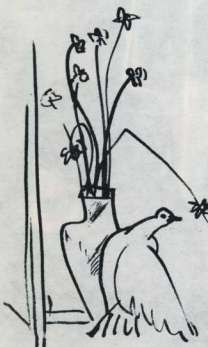
... все равно, — шепчет мне любимый Орион. Слышишь, космос! Это ерунда.

Ты сегодня пятый окаян. Я тебя, высокая звезда, милой подарю, как бриллиант. Мне не спится. Подняла поря. До утра весь мир улет, затих. Ты мое бесонное до утра, стих.

Что же делать, если лесня — жизнь, если лесня — трау,

в моем краю! Мой народ пагает в коммунизм. Я ему бесмертне пою. Жизнь моя, ты светлая река, парус мой стремитца вперед. Как полныи осенняя, горька и сладка, как яблоневый мед.

Перевел с аварского Анатолый Зяяц.

Рисунюи 3. МОСЕВА.

ЗИМЫ ЧУДЕСНАЯ ПОРА

Фото В. ГУКОВА.

Каждый раз, когда, проснувшись ранним утром, вдруг видишь за окном чистую пелену впервые выпавшего снега, невозможно удержаться от того, чтобы не выбежать из дома. На улице торжественно и тихо. Чист и прозрачен воздух. И на всем, что есть вокруг, сверкает близкая прекрасная, пока еще ничем не тронутая природа. Хрустит под ногами снег, ты идешь и пьешь бодрящую свежесть...

В такое утро и немного грустно — оттого что ушла золотая осень, и радостно, потому что впереди — чудесная пора зимы, светлые морозные дни с их неповторимым очарованием!

Вот и сегодня один из таких дней, воскресный зимний день. Мы с товарищем чуть свет устремились на возвы. Как обычно, затон заполнен до отказа, мы видим лес лыж... нет, даме не лес, а какие-то непроходные дюнуглы.

За окном проплывает пригород, и через полчаса нас молчаливо приветствуют замороженные ступней подмосковные рощи. Здравствуйте, поляны да пригорки, овраги да просеки, березы да ели!

Мы поднимаемся по пологому склону, уже исполосованному следами лыж, и, добравшись до вершины, несемся вниз. Впереди один из лыжников, сделав неуловимый вираж, становится с девушкой... Резко затормозив, и вскидывая фотоаппарат и щелкая затвором.

Откуда-то повелевает воллейбольный мяч. С десктом лыжников «спешиваешься», мы следуем их примеру и становимся в круг. Хорошо вспомнить лето в морозный солнечный день!

Время летит незаметно. Мы долго бродим по лесным просекам, любим красоту дремлющих деревьев. С веток изредка слетает пушистый снег. Он медленно кружится в воздухе. Уже давно пора собираться домой, но нет сил покинуть эти дивные места.

Усталые, мы присаживаемся на низкую изгородь и в последний раз окидываем взглядом бескрайние дали, подернутые дымкой, малящие родные...

К онечно, если говорить по совести, то не так уж нам были нужны эти водоланы: подумаешь, небольшая намотка на винт... Ну и что? Плавала с ней две недели и еще столько бы проплавала! А вот то, что на прошлой неделе промассе вошла и погодой слонихе штурмовые — ни помыться толком, ни вздохнуть, и с рыбой к тому же шлохо,— это да! Попробуйте сами несколько месяцев на качелях прожить — еще не такое придумаешь... Словом, скучной зимой в Северной Атлантике. Ну, тут еще на календаре тридцатое число, Новый год через сутки. Мысли всякие, сами понимаете...

Просто удивительно, сколько у капитанов появилось самых неотложных дел, связанных с заказом в кабулу-инбуэд тукую буточку! На вечернем радиосовещании работа за неделю. Одному приспичило притянуть кланово делать, другой все про уголь для камбуза бубнит: что ж, мол, Новый год не только без шампанского, но и без угля? У третьего вообще срок регистрации документов кончился... А наш Акимчак искует намотки все больше на инструкцию направа; была действительно такая инструкция...

Короче говоря, дал нам начальник флотилии «доброе на заказ в Фугла-Флора, и побоебли мы выехали к заказу. Очередь выехала из выезда рыбаком как дом родной; и ремонтируются там, и плавбыли под островами от штурмов отставиваются.

Утром вошла мы в пролив Дьюппене. Акимчак хоть и подобрел заметно, но все ворчал по правде и в из рубрике выдала...
— К концу рейса я, — говорит, — штурманом доверять уже никак не могу; у них в голове наташки... Навудит что-нибудь, а мы расклеиваемся.

А что там навудит, когда тут и с закрытыми глазами пройдишь: шарить прямо по «прострелкам» мест островов, и второй переползает направо... Кажется, даже овец знакомых стали узнавать на скалах, не говоря уж об остальном!

Овец много. Они да еще, конечно, рыба — вот все, чем здесь алкать могут жить. Представь себе: столько островов, столько камней по пятисот метров высотой, самой причудливой формы, временами совершенно отвесно встающих над морем,— это и будут Фарерские острова. Лежат они в стороне от больших морских дорог — только рыбаки да китобой и заглядывают сюда. Деревья ни растут; холодно. Крутлый год ветра и туманы, крутлый год шумит вокруг остров. Суровая земля. Недаром ее когда-то именно викинги заселили. Но вообще-то чудачьи они были, наверное: где толкно ни делай, а тоже вот напад себе место овечек разводит.

Я люблю музыку, особенно джаз хороший, но прямо скажу, хоть это и смешно, может: когда поболтаешься вот так, как мы, а потом услышишь, как якорь-пенг на бришине запрохочет, уходи в воду смеется, за смехом, так этот язык ее красивой любви мелодий покажется.

Встали мы на якорь, дал я в машину «отбой» и вышел на палубу. Тиньши, тухлики проут, твайшвей, швейш пинин — это крутые, крутые восточные бухты городов крохотных, тоже Фуглафлора называется, домки аккуратные такие, разноцветные. Наших судак с подложки-ни стоит по всему фьорду (мы-то у самого выхода).

Рыба, конечно, все на палубе, тоже посами тинут, вздохают; между прочим, уже спорить стали, с каким судном сначала кинокартины меняться.

Надо сказать, что на каждом судне обязательно какая-нибудь всеобщая страсть укореняется. На одном все, от камбузника до капитана, академички по чисте «скалах»; на другом почти: чуть ли не на выху с доской под мышкой выходит.

Ну, а у нас это место кино занимало. Послушать наши разговоры, так можно было подумать, что режиссер заданье нам не по вылову сельди установлено, а по просмотру кинофильмов.

НОВОЕ ПОСЛОВЕ ПУШКИНА РАССКАЗ

Но на этот раз Акимчак твердо сказал: — Да черта никакого кино. Новый год так Новый год. Сначала морская приборка, после обеда баян.

И пошла работа. В коридоре, в кубриках — пар от горючей мильной воды, шабары мелькают, ведрас стучат. Бойцам во все щелы залезает: не осталось ли где еще «морская рыба» (так у нас делались грязь называли). Одного матроса дополнительно на камбуз выдвинули: там тоже явра... А мы с Пушкиным — это старшим наш — разобрали все штурманское хозяйство, залезли на верхний мостик, хоть никому не мешать, и занялись стеной газетой «Пелем» (самая настоящая у нас стенгазета была, по большому предвзвешиванию).

Между прочим, Пушкина нашего добродок Александр Сергеевич звали, и вообще с ним на этот почве всякие истории случались. Один нерыбный капитан даже начальству пожаловался, когда ему сказали, что авиарыбный акт Пушкин подписит. Ну, это так, к слову.

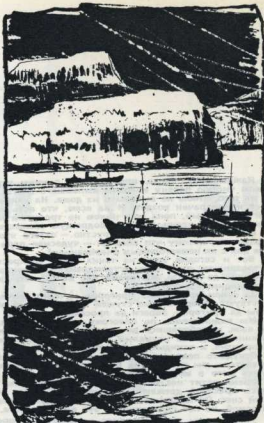
Фареры по сущности праздника приносились, гуляют по берегу, и околы кирки (в кирку что-то не особенно загадывают) мальчишки носят: занятый в школе нет. По гарам весь день новенький красный автобус бегает: гостей, ивально, развозит. Втувалуши в гавани паре местных траулов, только ошвартованы — командиры с них как языком слынуло, без бинокля видно было. А чуть погодя тихо так, корректно влоп датский сторожевик: тоже решил под Новый год от трудов отдохнуть.

Побоедали мы, попарившись в бане (мелкийши пару на этот раз не пожалели) и сила залезла с Пушкиным на мостик газету заканчивать.

Сидим, покуриваем, вдруг слышу: уключиню скрипит. Идет мимо нас на выход из флора лодка, большая такая, тяжелая, а на веслах девушка, вернее, девочка совсем. На корме старик весом правит. Девушка в белом свитере с рисунком каким-то, а старик, даром что праздник, плоховато одет.

— Смотри, Сашка, — говорю я Пушкину, — можешь, эти знакомые лавнуть!

А дело в том, что у стариков нашего такой невероятной общительный характер был, что повсюду они раньше всех познакомиться успевали и всех знали. И главное, ведал относительно свободно — без словаря — он только русским языком и владел! Я-то знаю, что у него и в поезде по английскому больше пройди не было. И потом как в моредаже язык учат? С лодчиком объясниться, карту прочитать...

Рисунки О. ВУКОВОЛА.

Гавнула Пушкин, и что вы думаете? Действительно, сложил ладан рупором и кричит: — Игит! Игит! Салог!

А Игита эта самая смеется и рукой машет. — Старик Тоомсенс с лодкой треску ловить пошел, — объясняет мне Сашка. — Без нее он уж в море не выходит, большой совсем.

Ну, думаю, не от хорошей жизни они под Новый год, когда все отхламляют, за треской отправлялись. Даже обидно как-то за эту Игиту стало.

Небо между тем намурамурило, и в фьорду с моря задувать легонько стало. А когда в 20.30 в салоне все собралось, то уже порядочно было светлосывало.

Судовые время у нас гринвичское было, но Новый год мы всегда по-московскому встречали — так уж повелось, не хочется на три часа отставать. Оно как резина, время-то. На запад идешь — растягивается время, а потом ведь по дороге домой все равно эти три часа отады придется...

Села мы, значить, за столы, мытые, бритые, при полном параде все, Акимчак из-за галстуха шло повернуть не может, и видно по лицу, что всякие слова во этот повод по себя проносятся. На переборке свеженский номер «Пелем» красуется, а на столах и торты стоячий, и пирожки, и амальсини (ими в тот год на промассе снабжали картошку все норрвалы заморские).

Одно лишь плохо: из динамика ничего, кроме хрипа и треска, не слышно: далеко Москва, да и погода, видно, мешала. Достало, конечно, от всех радистов, тем более, что уже дить вить, сколько они с беретом ни пытались работать, все напрасно: плоховатость, видите ли, у него циркулярная... Так что новгородцы телеграмм почти никто не получали, и от этого думы разные еще больше одолевали.

Хотя как в море не думать обо всем! Ноку, когда еще к островам шли, подылся я рупору Васи Игитовича. Сам он из-под Смоланска, третий год в Атлантику матросом ходит.

— Что не слышишь? — спрашиваю.

— Не могу, понимаешь. Дула болят.

Помолачу, закуриваю и продолжаю:

— Снег сейчас у нас, бело все, морозец...

Сестра, наверно, на праздник привезла ови в Бузуновском улитки. От Смоланска до Москвы рукой подать: вичко села в поезд — утром, продажусти, вылезал...

А Васи ведь даже нежелатый. Впрочем, больш...

ше половины у нас нежизнатых-то в команде было...

Без пяти минут девять по нашим часам поднимается Акимич и, как положено капитану, поздравляет всех с наступающим годом. Речь он не мастер говорить, если только это как-нибудь упущенный по судну не касается, но все хорошо его покаял.

— Вот мы все сейчас здесь собрались, — сказал он. — Все мы работать сюда пришли, в море проводимым для чего это дело. И друг друга званием как обмундировали. Так что, я думаю, как лодки нам не плохо, так и рейс этот закончим с честью. До дома нам не далеко, сами знаете, несомненный переход, но мы сейчас вместе с вами. Словом, с Новым годом! И еще за тех, кто на берегу!

Тут из динамика вроде курянти немого доносился, встали мы и чокулись.

Так это, правда, первым и последним был, так как имелась у нас одна лишь бутылка красного вина (ее каким-то чудом Акимич сберег), а сами помнят, что это только на двадцать пять морзянок: сплошная символика, так сказать, абстракция даже.

Надо заметить, что в каюте у меня послышалось с брыз на сто двадцать. Володька лежала, и на ней привалил таинственный пощечком «Осторожно: стекло» написанное слово. Ребята коснулись, конечно, но не мог же я чужую посылку открыть, в самом деле!

Ну, сидим мы, жуем пирожки и апелсыны, кола хлывим, стареем со вторым механизмом уже давний спор возобновил: кто виноват, что в порту какие-то там шланги сады, Пушкин очередной необъяснимый случай рассказывает, и хоть никто не верит ему, но слушают все...

А я гмжю и думаю: до чего же славыные ребята здесь собрались! Вот бригады Петра Буйный сидит — самый застенчивый человек на судне. Но когда Никулина во время штормовой выборки седей за борг утратило, то он, как было, в сапогах и прозащитке, за ним бугельнулся и в воде поком поковылял порвала. Вот Ваню, он в Атлантику из Батури понал, все о Черном море вспоминает, а между тем на палубе всегда первый, за самую трудную работу хватается. Рядом с ним тратится Бузинец, матрос первого класса, на штурмана образует учителя, уже высоты солнца сам берет.

И хоть, повитию, ни о каком кмеде и речи не могло идти, в голову все слова какие-то красивые лезли, романтика моря, словом...

Наверное, все же нужно иногда вот так от трудовых бумаж, как говорится, отделиться и поздравить со всем. Иначе что охватает? Курсы, обсервации, «вахту приказ», «вахту сада», се-

годия пять тонн рыбы, завтра десять... Производство, своеобразный «можрый цах» — только.

А ведь это не так. И не в том дело, что вокруг океан, стихия, вет. Просто работа эта от человека много требует, и очень надо ее любить, чтобы на все это пойти. На берегу, где бы человек ни работал, а ведь всегда для контраста что-то другое есть: у кого садик, у кого фрутабы или в конце концов просто с женой в кино сидеть. И ведь жизни-то от этого легче становится! А в море только одним делом живут: заводит среди ночи авралы рыву — и слова ты на службе... Зато и человек здесь весь на виду, никакая темная душюнка долго скрываться не может.

И еще пришло мне в голову тогда, что насто мы над привалчиваем словом перестем задумываться, вернее, чувствовать перестем, что за ними. Говорят вот, что судно — кусочек советской территории. Правильно, конечно! Но что это значит по-настоящему-то?

Вот стоим мы у чужой земли, за тысячи миль от своего порта. Давидать пять человек на непервичном рыболовном траулере — тридцать метров от носа до кормы, семь шагов поперек. А рядом люди живут, по-разному живут — и хорошо и плохо, не в этом дело. А в том, что все здесь, на нашей палубе, определяется совсем иным, иными законами, чем, скажем, вот в этом симпатичном городке с разнообразными домиками. И эти законы явань, порядок наш, возмемлемы, будь нас даже в пять раз меньше, потому что все мы действительно плавучий кусочек нашего большого мира.

Может быть, и не так вот отчетливо помнюсь мне тогда, но в общем-то так.

Пушкин тоже травить перестал, на иллюминатор темный поглядывая. Потом стакан отодвинул и из-за стола вышел.

— Грустно мне что-то на пустую тару смотреть. Поблду лучше узнаю, как там на улице.

А ветер все усиливался, Акимич приказал второй якорь отдать.

Через полчаса поднялся и я в рубку. Темнота, адалеке огни судов качаются, волна мелкая, но свирепая, а нас у выхода из фюлда словно в огромной аэродинамической трубе продувает. Дрожит судно всем корпусом...

И вдруг утратило, захлестало, в десяти шагах ничего не видно: снежный заряд метал.

— Как ты думаешь, — спрашивает Пушкин, — успела Инга с отцом вернуться?

— Что ты, — говорю, — конечно, давно где-нибудь в Берге выслались; они здесь погоду получше нас с тобой знают!

— Да, уж если не успели, теперь им не вернуться. В море дает — будь здоров.

Кончился этот снежный заряд, через несколько минут ударил следующий, еще сильнее.

И тут мы услышали внизу крик.

Пушкин плавающую акустру желочила — и заруку; все за ним. Смотрим, коалит о наш борг лодку, в ней вода полно, и два человека там. Не сразу я Ингу узнал: промокшая, лицо снежной крупой посечено, цвилается за фламинбор руками, а они красные, раздутые...

Вспыхиваю мы с ее и старика на палубе, отвали в салон. Дали что было переодеться, их вещи в машинную шахту повесили. Но все равно дрожат оба, особенно старик (кстати, взгляды я — не такой уж он старый, шестидесяти лет, наверно, но согнутый везд). Салка на меня посмотрел, а и уже и сам соорбизна, кинулся в каюту. Отодрал верхнюю фанеру у посылки: яблоки, теплые носки, одежаало... И, ясно, бутылка вина, бутылка «Стрелыной».

Володька где-то без них Новый год встретил... Отодрал немного наши гости, по разворот лодку кедет: фарерского языка никто из нас конечно, не знал, датского тоже. Старик Томаксен по-английски говорит, с ним Акимич кое-как объясняется да Пушкин в основном междометрии и жемати. А Инга какая-то притихшая смат.

В общем, поняла мы так приблизительно: сначала вдоль берега задуло, и они никак в фюлда не могли войти, всадо потеряли. Потом долго боялся, что их на камни не выбросило, когда ветер повернул, сам-оде вхои в фюлда достигли, и тут уж их потяло ковысю прямо на нас... Старик нового перемета анился, несколько раз он это повторил. Инга на него смотрит и, видим, хоть не палчет. А Акимич спрашивает: почему сегодня за рыбой лодки одни, правданы ведь!

Томаксен помалача и несколько что-то стаа говорит. Понял я только «мания, дельты то есть, и еще Инга он помнялуу. Немного погодя еще что-то сказаа, уаьбинулся и на большие часы в салоне показывается.

— Старик говорит, что, несмотря ни на что, он раа встретит Новый год с русскими рыбаками, — переводит нам Акимич.

Переглянулись мы, и неважно как-то стало: что ответить? И так у них на душе погода: трески не добыли, перемет потеряли, сами чуть не погибли...

Алишь бормань один, как услышал, засмеялся:

— Вот чуяк-то! Мы ведь встретили уже!

Акимич только крякнул, а Пушкин из-за спины бошану кулак показывает и — впогало-ло-ло:

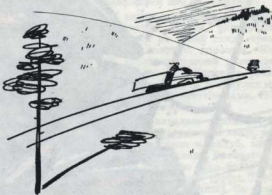
— Молчи, дура...

Андрей Алдан-Семенов

НОВОГОДНИЕ РАЗДУМЬЯ

В такую полночь
И глубже я дышу,
И мой обыкновенный подползник,
Как в скалке,
Лесных пнейто и заподнящих трав,
И кедрами морозными дымятся.
И вижу я у дальних переправ
Везуемые, кудлатые юнцы,
Курносые, румяные девчата
Штурмуют
На лихтерах проходят у Камчатки.
Я вижу их
В ночной тайге,
В залуных рек.

Они уже теперь
Они уже
И ставшая я:
Им глубь тайги,
Они иду,
Их манят и кюстры,
И паруса,
Ракетами распоротые тучи.
Их что изобретает:
Им все под стать:

И рез воды,
Мы созидали
Творцов коммунистической поры!

Как будто они понять могли.

Кивает Акимыч Тоомасеву: йес, йес,— и между прочим так, не глядя, коку приказывает: — К двенадцати не уезжай, коку приказывает.

Соборный.

Только он это сказал, смеется сверху вахтенный и докладывает:

— Полное светопротивление началось. Якоря поехали!

А мы уж и сами чувствуем, как судно дергаться стало.

Акимыч наш спокойно подыкал, извнился и тихим голосом с левой даже эдакой говорит:

— Готовить машину. Бойман, Негумин — к брашпикам Сарказов — на руль! Остальным не расходиться. Займаев, Пушкин, гости.

А старик окончательно отошел, разговорился, Сашку по плечу хаюкает. И тот тоже ему что-то докладывает по-русски испомом с английским, так, что ни Тоомасев, ни мы не понимаем.

Между тем и сампу: вахтенный механик главный двигатели пытается заустыбить — раз, другой, третий. И все ничего не получается. Что за черт! Ребята ушли наводстрани, но виду не показывают.

А всем понятно, конечно, чем это пахнет в данной ситуации: не удержит ход дать — придется о камешки, и будут тогда наши пирошки рабы дождаться...

Старик Тоомасев тоже забеспокоился было, но Сашка смеется и ладноно машет: ченуха, мол, И продолжает гостям объяснять, какая у него дучка погода виадз родилась. Показывает руками, будто качает, губами чмокает, расстался весь. Самала маленькую лязгу и тем же разнеженным тоном через плечо стармеху:

— Чего застыл, как докладый кашалот, когда твож вонючий керосинка сисидит! Иди крутки спать помытые надо.

Стармех от такой наглости только рот раскрасил: как-никак, а все-таки старший механик,— но удержался мило и бочком из словона. Сидружа гудит все, но видно в маломоминаторе: может, мы у берега уже! Сидим, как на иглоках. Пушкин и моториста в машину отправил.

— Массанупты прокатили,— говорит.— Искупаться решивши в Новый год,— а сам уже к докному будущему перешел.— Она врачом стала у меня, доктором, док! Или пеницей — ла-ла-а! Ммюэж...

Мы, как можем, помогаем. Инга повеселела, улыбается.

В конце концов я не выдержал, вышла тихонько — и в рубку. В фюэрде ад крометшный.

Вода кипит, горизонтально снег несет, и вдоабок гроза. Настоящая гроза в Новый год! Акимыч молчит: видно, все уже по адресу механиков высказал,— и лишь то и дело за корну поскрипывает. Да не раздается ничего. И антенна радара из-за ветра не вращается.

А якоря все ползут, наверно. Того и гляди, наших пассажиров примым ходом на базарную площадь доставим...

И действительно, проносая заряд, смотрим — мы уже почти в акватории порта, причалом недалеко.

— Давай красивые ракеты,— говорит мне Акимыч (красные ракеты — это сигнал бедствия).

Но тут двигатель еще раз почкавал и пошел нахонем. Акимыч ружько машинного телеграфавязнука, вдохнула так, что галстук затрещал.

— Отставить красивые, готовь любые. И старпомов зови, пусть пока меня подоспевают.

Пушкин из словона, а Акимыч — ему навстречу. Вошел — без двух минут двенадцать. Ребята как ни в чем бывало сидят, апельсином чистят Инге. Взял Акимыч стакан, который Сашка уже себе приготовил, улыбнулся Тоомасеву с дощкой, вгляднувшись на стрелки.

— Ношь часов по Гринвичу, товарищи. С Новым годом!

И Тоомасев тоже:

— О! Новый кот!

И Инга тихо добыкала (первый раз я, кажется, ее голос услышал):

— Хепши нью ир...!

Сразу же подыкался все мы наверх. (Как раз моя вахта началась.) Ветер свистит, молния вспыхивает, а в городе ракеты пускают: тоже Новый год встретили. И тут мы выдали: ракеты, зеленые, белые, большие пиротехнические, фальшфейеры,— все пошло в ход! Несет наши звезды по ветру, рассыпаются они над городком, а глядя на нас, и с других наших судов пускают старты.

Потом еще долго в салоне сидели, кино Инге с отцом показывали, три картинны подра прокрутили.

Ну, а утром ветер затих. Натрудили мы наших гостей, чем смогли: широжками, апельсинами, сигаретами, бойман даже две пары добротных рабочих рукавиц притащил (больше в его хозяйстве ничего подходящего не нашлось), сфотографировались все вместе на прощание — картошка эта и сейчас у меня под стеклом лежит — и помогал им добраться до берега.

Вот так мы и встретили дважды Новый год.

А Володьке насчет послания и потом объяснил, он все понял.

! Счастливого Нового года (англ.).

где-нибудь возможны дети такие, как мы, но будущей нашей работой мы сделаем всех людей земли столь же гордыми смельчаками. Вы пишете: «Лизень сейчас, когда нам не светит солнце, только три часа мы видим дневной свет, остальное время — полярная ночь, мороз, буря». Но вот и во тьме полярной ночи ярко горит солнце человеческого разума...

Алексей Максимович рассказывал ребятам, как писать книгу, и даже написал примерный план. Это письмо несказанно обрадовало маленьких полярников, и они с жаром принялись за дело. Гоша Лукин раскрыл синие

одиннадцать — в города нашей страны, двенадцатью в Швейцарию, Ромею Роллану.

Ответы были получены из всех пунктов; пришел ответ и от великого писателя. Он сообщил итальерским пионерам, что семнадцатого был чудесный день. Пронурый телеграммой из Заполярья, Роллан писал:

«Шлю вам самые сердечные поздравления, мои книги были медвежатки. Работайте хорошо и никуда не падайте духом перед трудностями. Трудности созданы для того, чтобы их превозмочь, и чтобы, превозмогая их, стать более сильными». «Большая медвежатка» так и по-

нял флаг, укрепленный на башне речного вокзала. За флагом — золотой город, разمتнувшийся во все стороны по высокому берегу. Да, золотой Залитый солнечными лучами, он весь искрился и, казалось, улыбался.

Теплоход пришвартовался к голубому дебаркадеру, на котором четко выделялись крупные деревянные буквы: «Игарка». Мы сошли на берег в тот час, когда солнце взошло у горизонта, словно радужная, закатилась или снова начать ползти, а на самом деле была глубокая ночь. Весь город спал. Мы впервые пришлось видеть при солнечном свете абсолютно безлюдный город.

САВВА КОЖЕВНИКОВ

ИГАРКА

корочки ученической тетради и, аккуратно выводя буквы, сделал первую запись о своих игарских впечатлениях: «И сразу же замечала, что почти целые сутки не приходила ночь. Меня это очень поразило, и я во что бы то ни стало решила узнать, кем и в какой час лето хоть ненадолго. И караулю ночь, сидя на плоту с удочкой в руках. Ждал я много часов подряд, а солнце, дойдя до самого горизонта, вдруг снова появилось вверх».

Вскоре появились еще одна тетрадь. Завис в ней были сделаны двенадцать мальчонкам и девочкам. «Еще совсем недавно», — писал он, — на земле, где сейчас день и ночь дышат ледоаводы, была тundra, олений мох и типична... Когда начинал строить город, все медведи, белки и пещеры разбежались от стука топоров. Один из логов волею города называется «Медвежий», потому что в нем убивали медведей... Интересно видеть иногда, как по улице догадываются сразу: автомобиль, олень, лошади и собачья упряжка. Вот какой наш город!»

Эмма Васюкова вела календарь итальерской весны: «На первомайскую демонстрацию мы ходили в меховых шубах и шапках. Наши знамена едва маячили за высоchenными стругами снега. 17 и 25 мая в Игарке был метель и буря».

Юные итальеры заинтересовались: а какая была погода в эти дни, например, 17 мая, в других городах Советского Союза? И они послали двенадцать телеграмм:

студии. В книжку они своими еще не окрещенными детскими ручками помогли отцам воздвигать на вечной мерзлоте заводы и города. Вышло много трудного. Но маленькие полярники не падали духом. Они твердо знали: чтобы мир стал лучше, надо быть сильными.

Обо всем этом они рассказали в своей книге, которую назвали «Мы из Игарки».

«Суровая природа закаляет нас», — писали они. — И мы, когда подрастем, будем не последними комсомольцами, будем не слабыми, а крепкими, какие нужны сейчас нашей стране».

2

Матинга... Кузнецкий... Игарка... Как необыкновенно звучали эти названия для нас, молодежи тридцатых годов! Сколько в них было притягательной музыки, манящей романтики!

Мне доводилось ездить по многим дорогам летчиков. Но как то складывались обстоятельства, что в Игарке я впервые побывал только в прошлом году. Я решил узнать, как сложилась жизнь тех пионеров, которые писали свою книгу четверть века назад.

Енисей был бесплоден. Дул холодный ветер. Ходили волны с захвренными гребнями. По белым баранкам прыгали лодки.

Теплоход обогнул залучину, вошел в протоку, — и вот перед нами затрещал на ветру крас-

Казалось, мы попали в какое-то заводилованное дартство. Кто-то сказал: «Вымерший город». Нет, это неверно! Город просто притих на время, чтобы перевести дыхание. Должны же люди и город хотя бы немного передохнуть, чтобы затем снова расправить плечи и многоголосо зазвучать!

Для знакомства с Игаркой у нас были считанные часы. А хотелось посмотреть как можно больше, поговорить со многими людьми. И мы с мольбой смотрели на солнце: хотят тебе бесполезно болтаться у горизонта, поднимайся же, поднимайся!

И вдруг ярко заблестели стекла в окнах домов, замесрились, расставая по своей гледи трещинную золотую дорожку. Енисей, стали шумливей разноцветные флаги иностранных судов. Дым из котельных потянулся над городом розовыми космами. Поднялось солнце...

Игарка казалась огромным кораблем со множеством кубов, труб, мостиков и палуб, затруженных штабелями пиленого леса. Это сходство еще более усиленно дымались трубы. Трубы дымили, корабли плыли. За ними в километре двигались с холодными топками ледоосов с флагами Швеции, Норвегии, Дании, Англии, Греции.

«Дорогу, дорогу!» — кричат гудки.

Пакет за пакетом ложится у причалов. К ним тотчас же подбегает рубщики и вырубает марку, обозначившую сорт каждой доски. Строповщики обхватывают

Это было около четверти века назад. В Игарку прилетел на гидросамолете корреспондент крупной лондонской газеты. Стояли светлые августовские дни, сошли последние ступени правления раздувало по небу и ошалею навало землю. По вечерам оно опускалось к горизонту, зависало на минуту-две и снова поднималось вверх. А путешествие было в утиле в меховой шапке, в меховых шаках. Общественные фотоаппараты, они ходили вразвалку, как гитары.

Он знал — Игарка за Северным полярным кругом. Это не путь, Мороз, вечная мерзлота, диние звери. В кармане лежал на всякий случай вороненый «Смитт-Вессон». Большешапки пишут: порт, город, цивилизация. Да разве их можно верить, — обычная пропаганда...

Корреспондента посадили в автомашину. Ехали долго, гулко стучали доски под колесами. Это раздражало. Хотелось увидеть городок хижин, каменных домов, по углянам, где стояли ледяные дома, часто двухэтажные.

— Но они же деревянные! — удовлетворенно воскликнул корреспондент.

— Будут и каменные, — сказал шофер.

— Будут, будут! — взорвался гость. — Что же вы, собираетесь здесь жить десятилетиями?

— Выка! — сказал шофер. — Мы приехали сюда на всю жизнь.

Корреспондент щелкал фотоаппаратом. Выбрав вблизи порта наиболее неказистый, покосившийся дом, поспешил в дверь. Ему открыла маленькая девочка в красном пионерском галстуке. Она вежливо поворчалась, но бесоватая не стала. «Некогда», — заявила девочка, — мне нужно идти к маме. Корреспондент удивился. «Пионеры Игарки пишут книгу о своей жизни», — пояснила пионерка. — Мы должны оканчивать работу к весне, потому что победил Герман фашистский план. Он сам нам поможет. Один французский товарищ обещал тоже нам помочь. Я думаю, вы его знаете. Это товарищ Ромен Роллан».

Корреспондент зло повернулся и пошел в клуб иностранных моряков. Там в буфете продавались водка и виски. Он предпочел водку. Во-таки недаром ехали!

А пионерка, давшая ему сенсационное интервью, в это время уже сидела в классе и вместе со школьными друзьями обсуждала поступительную статью в книге.

Идея создать эту ясную и бесхитростную, но детское сердце, книгу родилась в декабре 1935 года в школе № 3. Ребята решили описать свою жизнь за Полярным кругом. Мысль понравилась всем школьникам Игарки. Только кто же пишется книги, никто из них не знал. Но ведь есть Горький! И вот 15 декабря 1935 года в Крым, в Тесеши, где жил тогда Алексей Максимович, приходит письмо.

Весточка маленьких итальерских друзей взволновала великого писателя.

Через несколько дней он написал своим итальерам:

«Хорошее письмо прислано вам... Едва ли где-нибудь на земле есть дети, которые живут в таких же суровых условиях природы, в каких вы живете, едва ли

Искра МАКАРЕНКО

Василий КАСЬЯН

Татьяна НЕНИЧ

Николай УДАЛЬЦОВ

Лев ВОРОВАЕВСКИЙ

Допросы начались с утра. Вызывали по одному. Допрашивали Краснов и другие каратели, фамилии которых арестованные не знали.

— Касьян Василий! Мы располагаем сведениями, что в городе есть подпольная организация и что ты входил в ее состав. Мы знаем это, мы разбрались с истинной и подлинной снад. Это по вашему заданию Искра Макаренко и Татьяна Ненич доставили на бирже паспорта для военнопленных. Кто научил вас это делать? Кто руководит вами? Говорите!

Молчание.
Потом били. Скрученным в несколько раз электромотором. Резиновыми шангалом. Просто ногами. Человека терзал сознание. Его отбивали удары и слова подталкивали к столу.

Говорят:
И опять ответом было молчание. — Выспать еще Молчиги? В камеру! Следующий! Николай Удальцов, говорите!

Молчание. Побой.
— Макаренко Искра! От него получили задание доставить документы, говорите!

Снова молчание.
Ее били особенно свирепо. Сами палачи понимали: в поправленной работе, направленной на освобождение из плена советских людей, главная роль принадлежала этой девушке — переводчице шефа биржи труда, единственной сотруднице, имевшей, кроме шефа, доступ ко всем печатям и бланкам.

Но Искра молчала. Только порой, когда боль в изрубленном плетнем теле становилась невыносимой, она кричала, чтобы облегчить страдания. Но не сказала ни слова. Брата Василиява Реина, работавшая в те дни в полиции уборщицей, до сих пор хорошо помнит, как выглядел кабинет следователя Краснова после допросов. Там даже стены были залиты кровью. Но добиться от комиссованцев признания полицейские так и не смогли.

— 24 июня 1943 года их вывели на допрос все вместе, и следователь, торопясь и глотая слова, зачитал приговор.

Мальчишка лет шестнадцати, случайно арестованный и осужденный вместе с молодыми подпольщиками, заплакал. Тогда, еле перегибаясь на распухших ногах, к нему подошел Лева Воробейевский.

— Не плачь! Подлинно голую! Посмотри в глаза этой сволочи, которой по ошибке дали русские мины! Он читает приговор, а сам боится тебя, потому что чуток скоро наступит день, когда придут наши и эвернут его на первом столбе. Не плачь! Мне труднее, но я молчу. Я пlevать тебе из этого господина следователя! Я смеюсь над ним, и ты смейся тоже!

— Так, Лева! — шептали разбитыми губами Касьян и Удальцов. — Через час быть готовыми на дороге. Вечером не брать с собой! Довел тогда, когда их вывели из коридор.

Взломали мешки затянутые дощичи. С запада вместе с индонезийскими обломками вагонов пороховой гварии, полза таявельно ронот, и зарево поносоро по небу окатывало полнеба. Там, на западе, в залитых водой окопах умарали советские солдаты, сдерживая фашистов на подступах и донецким степлям.

Потом врисные части начали отступать. Несколько дней иряду шли они через город — усталые, черные от копоти и ослепший грязи. А через день, утромажое поведя ствольной орудия, танками вошли в притихший город пятинтисе немецкие танки и лавиной рассыпалась по улицам мотопехота. Гитлеровцы сразу же занялись грабежами. Во дворах и на улицах затрещали выстрелы. А потом на стенах домов появились насхлех отпечатанными на рыхлой бумаге приказы немецкого коменданта. Многочисленные их параграфы заканчивались одним и тем же словом — расстрел. На улицах дежурили полицейские, которым стали равно масированннм в мирные дни враги Советской власти.

Кто мог подумать, что начальником районной полиции станет непринятный нинтель хутора Александров Павел Макаровский? Кто на шпате Центральной знал, что электрослесарь Павел Ягура будет жестоко измывать своих братьев товарищей по работе за то, что они и в трудную минуту остались настоящими советскими людьми?

Кто мог предположить, что именно слесарь Сергея Краснова матери будут пугать детей? Но нашлись и другие. Их было куда больше, чем краснов и ягур. Это были верные сыны и дочери советского народа.

Знаваны за первый курс были сыны дорочно. Студент Николаевского судостроительного института Василий Касьян приехал домой на наникуми. На западе уже гремели бои.

Бойна приближалась к Красноармейскому. В городе начались эвакуация. И когда семья Касьянов тоже собралась уезжать, Василий сказал отцу:

— Я не могу бежать. Ты меня знаешь, батяка. Холуем у них я не буау. Но теперь я должен видеть их каждый день. Там надо.

Примерно такой же разговор состоялся в тот день на другом конце города. Остался в Красноармейском и Николай Удальцов, слесарь железнодорожных мастерских.

В первые же дни оккупации, чтобы не оказаться в Германии (немецкие угонщики влопались в немцев заделом), Василий Касьян через биржу труда устроился переводчиком в немецко-русском железнодорожному комендату.

Однажды Василий Касьян пришел в работу пономе обычного. Насноро пообедать. Антон Иванович курил крпильце. Вася обнял его за плечи:

— Выше голову, батя! Забыл, что ты усталый. Завтра? Немцы собираются псласку отмечать и поэтому подобрали отменники на сегодня коммандантский час. Так что, если я задержусь, — не волнуйся. Все будет в порядке. Оттраздичи и мы...

Ночевать домой он не пришел. А наутро по городу пронеслась весть: кто-то расстрелял истинных.

Педитисаннмй дзвукта она началась словами: «Товарищи! Не верьте фашистской брехне! Москва им не выдала! Читайте эту листовку — сводку Совинформбюро». Листовки начальники полиции. Немцы перелопотились. Касьян-младший пришел домой утром.

Батяма, выгнали на улицу, посылать, что говорить. У людей поднялись настроения. Кто-то расстался с оружием и отшел галки.

Антон Иванович пристально посылал на сына. Вася едва заметил ни приладу о войне.

В ту ночь не было дома ни Воробейевского, ни Удальцова.

В какой-то утро в восемь ноль-ноле шеф биржи труда, молодой немец в форме чиновника юстиции, с монументом, ванио не входил в свой кабинет. Переводчица должна была илантиса ему, когда он открывал дверь.

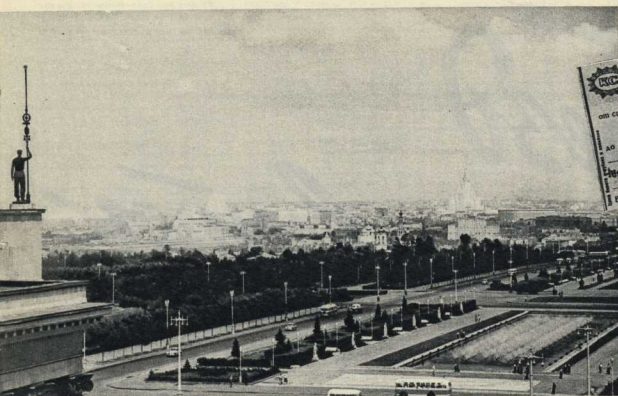
Шеф не видел, наной ненавистно вспылалась в эту минуту глаза Искры Макаренко. Он вообще ничего предсудительного в ее поведении не замечал. Переводчица умела работать, и он доверял ей.

Целыми днями девушка заполняла различные отчеты и печатала деловые письма на трестушечной машинке с немецким шрифтом. Проходя мимо нее, шеф деловито улыбался, сотрудничать старался, ни одна минута даром у нее не пропала.

Правда, если бы он узнал, какие бумаги оформляет она втупе с другими, он расстрелял бы ее на месте.

Среди бела дня, рискуя каждую минуту быть разоблаченной, Искра Макаренко заполняла бланки паспортов и ставила на них печати. Эти паспорта-пропуски были спланием от издательства и пыток,

В. БОЛПРОМЕЮК

*Поезд
идет на восток*

Недавно специальные корреспонденты нашего журнала совершили необычные железнодорожные путешествия. Один пересек страну, которая в минувшем году дала миру великий план строительства коммунизма. Другой проехал по стране, где уходящий год был отмечен безработицей, усилением военного психоза, запретом Коммунистической партии.

О том, что увидели, с кем познакомились и что узнали корреспонденты «Смены», читайте на страницах 14, 15 и 18—21.

*Поезд
идет на Запад*

Третье идет на Восток

— Не знаю, получится ли у меня репортаж. Столько людей, впечатлений — глаза разбегаются. Как же все это написать?

— А ты уже написала, — сказала жена и протянула мне стопку моих писем с дороги.
Вот они.

ОРАНЖЕВЫЙ МЕДВЕЖОНОК И ДВЕСТЬ СТАНКОВ

Ну, вот и первые сутки пути на исходе. Подъезжаем к Кирову. Под голубым небом — убранные поля, шестина скошенных лугов, зеленые озимки. Все ждет снега. И лес, лес, лес... Вдоль всей дороги среди голых веток — только что распустившиеся сережки вербы. Она расцвела так доверчиво и бесстрашно, будто никакой зимы не предвидится...

В вагоне ко мне относятся с почтением: еду до самого Владивостока. И с недоумением: а почему не самолетом? Это гораздо удобнее: вместо семи с половиной суток всего четырнадцать часов пути.

До Сибири нас везет паровоз. И дети, и взрослые смотрят в окна и говорят о паровозах. Паровозы сняты с производства, и, хотя их роль еще велика, они обречены на исчезновение. А сколько связано лирики и с этим дымом, окутывающим деревья, и с долгим гулком, и с ритмическим пытаньем, и с особым манером колес! Впрочем, смотрят на них не только с грустью, но и с некоторой досадой, жалуют об уходящей лирике и в те же времена хотят, чтобы она скорее уступила место новому.

Теперь о моих соседях. Одного из них ты видела, когда провожала меня. Это оранжевый медвежонок. Он сидел один в купе и заревел, когда ты до него дотронулась. Это его хозяин ты не знаешь. Это крохотный русский мальчишка Димочка. Ему два года. Сейчас недавно научился говорить и широко пользуется этим умением: все время лопочет. Едет с папой в Новосибирск. Папу зовут Геннадием, вчера он сдал последний экзамен в аспирантуру, по специальности энергетик, и заниматься будет прикладной кибернетикой. Но сейчас его больше всего волнует ответственная миссия: наилучшим образом доставить Димочку к маме.

Геннадий со спокойной душой доверяет Димочку нашему соседу, судя по всему, ответственному работнику. Этот человек (я даже не знаю, как его зовут) в чудесном настроении. Улыбается даже во сне. Он ведет с Димочкой серьезные разговоры, а иногда сажает его на колени, поцеловывает и поет: «Юй юй, ночи, матросские ночи». В Кирове этот человек сойдет, так и не воспользовавшись возможностью стать героем моего репортажа.

Спешу сообщить: я узнал, отчего так весел сошедший в Кирове пассажир. Он «защитил», а попросту говоря, добился в Москве для родного города двухсот станков. Он смотрел на приближающийся город с телевизионной вышкой, этой Эйфелевой башней областной

столицы, и победоносно улыбался. Наверное, думал, как следом явятся сюда двести станков.

В Кирове место ответственного работника занял Саша, механик по вычислительным машинам. Он едет до Новосибирска, оттуда направится еще куда-то — ремонтировать машинную память.

А ГДЕ ЖЕ СИБИРЬ!

Странно даже подумать, что только сегодня утром мелькнуло за окном свежееблененный столб «Европа — Азия». На нем хвостом к Европе сидела сорока. Деление на два континента относительно. Представь себе, Свердловск — азиатский город. С этим можно согласиться, разве что приняв заводские трубы за минареты.

Сегодня какой-то сорочий праздник. Любопытные люди смотрят на наш поезд с берега, со столбов, летят вслед. Тем временем Урал превращается в Сибирь.

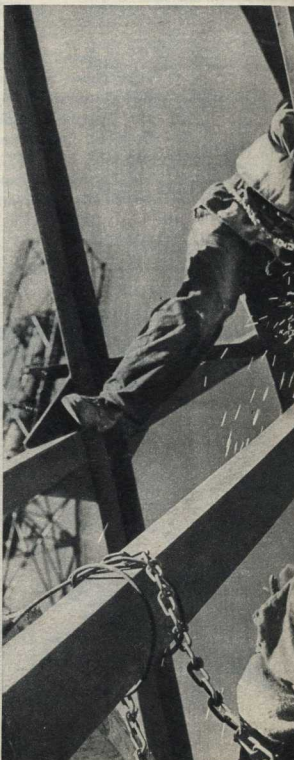
Если среди сподвижников Ермака был поэт, то, наверное, именно он изобрел рифму Сибирь — ширь. С тех пор поэты не расстаются с этой снастиной находкой. Широга, протяженность — пространство в чистом виде. Без таких подробностей, как горы, долины, холмы, пригорки. Березовые рощицы и перелески не заслоняют, а только подчеркивают его. Это величайшая равнина Земли — Западно-Сибирская низменность. Разогнались наши предки по этой равнине, в уж там не могли их остановить ни тайга, ни широчайшие реки, ни горные хребты. За шестьдесят лет, рубя избы и крепости, распахивая нетронутые земли, охотясь на лесного зверя, с женами и детьми на телегах добрались до Тихого океана.

Димочка глядит в окно и спрашивает папу: — А где же Сибирь? — Вот это все и есть Сибирь, — отвечает отец.

— А где мама? — снова интересуется сын. — Для Димочки Сибирь — это его мама из научного городка, уют, игрушки, книжки. Для Геннадия — наука, товарищи, стая «Автоматизация подачи топлива», которую он там опубликовал. Для Саши — машинная память, кибернетика, «новое дело», как он часто с гордостью повторяет.

— Прочти дядя какие-нибудь стихи, — советует Геннадий сыну.

— Димочка глядит в окно и читает: — «Травка зеленеет, солнышко блестит...» Сколько маши-и-и-нов! Геннадий отлично справляется со своей миссией и считает, что трудности путешествия с малышом резко преувеличены женщинами. Радио гремит во всех купе и в коридоре,

всюду шестая съездовская газета, — в сущности, все мы как бы присутствуем на Двадцать втором съезде партии. И это чувство не нарушает подробности вагонного быта: ни проводник, который, надев белый халат, разносит чай, ни проводница с пилососом. Радио гремит. Люди боятся пропустить хоть одно слово из-за шума поезда.

Геннадий, отложив газету, гадит Димочку по голове:

— Вот кто будет жить при коммунизме.

ПОКА ТЫ МОЛОД

Это письмо придет к тебе из ночного Красноярск.

Только установился хорошо налаженный быт, и Димочка стал называть наше купе домом, и появились у нас еще ребята, и наш мальчик незаметно попал под опеку тихой жены моржика, что едет с ребенком из Севастополя во Владивосток, а Гена получил возможность время от времени читать по-английски Марка Твена и играть в шахматы... И вдруг огромная стальная Обь с плавающей шлюзой, дома, дома, трубы, башенные краны, автобусы, город с почти миллионным населением...

В вагон входит высокая молодая женщина, удивительно похожая на Димочку... И вот уже среди груды вещей сидит на перроне оранжевый медвежонок, и на его смешную морду падают сибирские снежинки. Я успел пода-

рить Димочке детскую книжку, обменялся с Геннадием адресами, а механик Свеша исчез как-то незаметно. И остался от них в купе лишь табличка шахматного турнира, где против моего имени стоят сплошные «баранки». И не отыграешь мне вовек: ведь в таком составе мы больше никогда не встретимся.

В вагоне-ресторане за одним столиком со мной сидел загорелый парень со значком «Строй СССР».

Оказалось, он геофизик, работающий в ирландской экспедиции за Полярным кругом. Мысленно он уже был там, прощаясь с днем, с тайгой, с городским уютом вагона, но зато мечтал о северном сиянии. Сколько он ни жил на Севере, а не пропустил, как он говорит, «ни одного сеанса», даже в самый лютый мороз, когда летом расправляет скамьи. Ведь чем colder мороз, тем прекраснее зрелище. Нашелся бы хороший кинооператор, сделал бы фильм, в котором было бы только северное сияние во всех его видах: да специально подобранный чудесная музыка, — и все бы, посмотрев его, ахнули бы и «вранули» на Севере.

Как же жила в тобурд! А ягодное лето! Как-то пошел мы с товарищем к приятелю по ягодам, разбрелись в разные стороны, а потом товарищ вернулся на буровую полуголки, в одном сапоге. Он встретил в ягодниках медведя. Тот пошел к поближе познакомиться с человеком и погнался за ним. Незадолжидый любитель ягод бросил медведю шапку. Тот на миг остановился, обнюхал ее, разорвал и снова помчался в погоне. Пришлось бросить в зверину шапку еще и куртку, и кобальку, и, наконец, сапог. И только у вышки медведь повернул назад: он уже понимал, как такое буровая.

Геофизик возвращается из Закарпатья. Отпуск провел в туристском походе, заработал значок, впечатлений множество, будет что вспомнить на Севере. Вода, что в купе осталась дома. Пожила она у него в экспедиции, сокупились по работе (она учительница начальной школы), даже популярное сияние ее не оставило. Не завозить же туда специально для перерожденных. Может перекочевать на Среднюю Азию! Только уж туда, где жарче. Пока молод, надо испытать и настоящий мороз и настоящую жару...

Трустная у меня доля: не успел познакомиться с человеком, как пора прощаться. И жалко, что не выйдешь вместе с каждым, не увидишь этих людей там, где они работают, живут, а не просто коротают время и ждут, как это бывает в поезде.

ГОРОДА, ПРОШЕДШИЕ НОЧЬЮ

За окном — тайга. И вот беда: Омск с Иртышом, Красноярск с Енисеем, а теперь и Иркутск с Ангарой проезжаем поздно ночью. Впрочем, я был во всех этих городах два года назад.

Так и вижу перед глазами рыжий стремительный Иртыш и вытунтытый зеленый Омск, напоминающий с высоты газон, увитый дымами. Город промышленности и цветов. В те дни Омск, сметая саран, свалил, всякий хлам — наследие старой Сибири, чьи города как бы не жалели отражаться в зеркалах своих удивительных рек — поворачивался лицом к Иртышу, строил мосты, набережные, намывал пляжи, высаживал цветы и деревья. Помню огромную территорию нефтерерабатывающего завода, систему труб и цилиндров, казавшуюся гигантской моделью кровеносных сосудов и узлов живого организма, — во что только не превращалась здесь «черная кровь индустрии!»

Помню, как около Красноярска мы искали комья нефти нефтерода, а в ее это время с помощью водолазов уже вывели за Енисей. Помню волшебный Диалогорск над сияющей, морского тона рекой. Сейчас там уже воево кинит работа, и люди ходят по скальному дну Енисея, как это мы видели в Братске.

Вот она, сегодняшняя Сибирь. Вся в голубых всполохах элентротранки, в ажурных переплетенных металлических конструкциях будущих заводов-гигантов.

Помню Назаровскую ГРЭС. Ее только строили, только намывали платон на Чулым: земля болотистая, вода должна была оладивать котлы электростанции. А угольный разрез, в котором затерялись краны, пугающе-дикие и совсем иррегулярные с виду составы! К XXII съезду партии Назаровская ГРЭС уже заработала.

А Братск? Там пуцены первые агрегаты, заполоное водохранилище. А в еще асталки здания знаменитого Падуня, вокруг которых кипела работа. Помню чудесных ребят с улицы Гидростроительной, приехавших на стройку целым классом вместе с учителем. Помню, как в субботу спускались в уступам скал девушек в комбинезонах и несли в общежитие огромные охапки цветов.

Да, Восточная Сибирь прекрасна. Она целыми часами сияет глазами за окном, а потом сморщив, смотрит на нас, и в ее изгибах, в его перепадах, ни даме малой тропик, перекающей Великую магистраль. В съездской газете прочел, что Восточную Сибирь, третья часть территории нашей страны, населяет всего семь миллионов человек. Вот где нужны энтузиасты.

Много изменилось за два года. А что произойдет за двадцать лет? «...Создание новых энергетических баз на месторождениях дешевых углей и путем освоения гидроэнергоресурсов Ангары и Енисея, организация здесь крупных центров энергетических производств, освоение новых богатств рудных, нефтяных и угольных месторождений, строительство ряда новых машиностроительных центров...» — вот что несет Сибирь Программа коммунизма.

...Подходит прощаться широкоплечий загорелый, мой сегодняшний партнер по шахматам. И в последние минуты высветляется, что это не только игрок атакующего стиля, а иркутский дорожник, мечтающий продлить на зиму срок дорожных работ, кладя бетон не на мерзлый грунт, а на плывущее основание, человек творческий и живой.

— Есть товарищи? — говорит он мне, — которые не хотят выдумывать, изобретать, потому, видите ли, что с развитием вертолетного сообщения у нас, у дорожников, уменьшится нагрузка. Век уж вот за что прачку свою носил! За самое новое!

ЧТО ТАКОЕ ГОРБОВИК

Только что проехали Байкал: свиноголово-серый, тускло свергающийся бликом, голубой скелет коричнево-лиловый туман, березок, елки смотреть издали, с белыми чайками над волнами и белыми хребтами гор, как бы повисших в воздухе над нералличными приполюсными берегом. Утро безоблачное.

У окна стоит парня из Улан-Удэ, авуации из Москвы в подарок сынниче громадный самосвал. (Кстати, детинши в нашем вагоне называют пепельницы самосвалами, играют в них и тайком от проводника демонстрируют друг другу принцип их действия.) Парня окладился мелкокапельным туманом. Вот и проедем мы, который он называет ягодной столицей. Сюда ездят с горбовиками — продолговатыми ящиками, вмещающими два с половиной ведра ягод. Носит их, как можно полегче по названию, за спиной. В руках у борбиков — котелки и совки особой конструкции. К краю совки приваривают гаозид, и он становится похожим на руку с раздвинутыми пальцами. Этими-то совками и гребут ягоды: руками здесь не управиться.

Мой спутник поглядывает мне лесозавод, рыбозавод, где лучше, чем в естественных условиях, выводится малки омуля, строящийся целлюлозно-бумажный комбинат, рассказывает о двухкилометровых неводах байкальских рыбьков, о соборном заповеднике. И все время так чувствует, что даров природы здесь полная чаша. Только гребн их, как гребут ягоды.

Улан-Удэ. Мой спутник возвращается назад и просит не забыть, когда поезд тронется, посмотреть на максимизирующую, порабаывающую огромное количество мяса. Только не перепутайте его с другими заводами, их

Эти улыбающиеся парни — члены одной из лучших бригад Пермского нефтеперерабатывающего завода (слева направо): оператор Н. Муравьев, бригадир И. Федин, машинист А. Пераушкин и помощник оператора В. Долгих.

тут много. Я же еще не рассказав вам о животноводстве... Ах, как много можно рассказать Ну, счастливо!

ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД

Не удивляйся, что пишу второе письмо за день. Хочется поделиться одним переживанием, которое останется на всю жизнь, но не знаю, как все это выразить.

Слова по всему вагону гремит радио: слушавшим заключительную речь Н. С. Хрущева.

Блеск глаз, напряженное внимание, взволнованные лица. Только ребятами, которых это может быть, больше всего касается, бегают по коридору, смотрят в окна и иногда удивляют притихших родителей совершенно необразимыми вопросами, например: «А почему речку не ставят на рельсы?» За окнами Бурятия. Вдруг мелькает перед глазами яркий узор бурятского ковра, который мирно висит на веревке вместе с альпийскими пионерскими галстуками...

Прощаемся Петровским Заовд.

Прямо на перроне — обратный к вагонам, к сиюминутным пассажирам памятник декабристам, отбывавшим здесь каторгу. По конструкции это самая настоящая доска почета, Бело-голубая, с цитатами из Ленина и Горького, с датой основания завода (1789 год), с золочеными бюстами и барельефами людей, хорошо известных в округе. На «доске почета» — декабристы: братья Бестужевы, Муравьев, Горбачевский, Вульф, Мазаловский, Лукин и Пуцун, старший, усатый, с мешками под глазами, но оставшийся в воображении вечным юным товарищем Пушкина... В память есть что-то мимовное и в то же время очень теплое, сердечное. И растет среди вокзальной толпы островок тишины и благоговения, все пристальнее вглядываются люди в эти благородные лица...

Когда наш поезд отходил от перрона, в Москве упало покрывало с плакатом «Кому Марксу, и под звуки «Интернационала» проходили перед нашими глазами белые снизу и темные от росы сверху горы, и между ними черная ледя река, и дома с бирюзовыми и голубыми ставнями, и цветы на подоконниках, и стройные силуэты завода, дельто, электростанция, и огромные кумачовые буквы над путями — «МЫ ПРИДЕМ К ПОБЕДЕ КОМУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА».

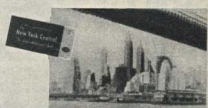
И взмучил в душу и строки Пушкина, и «Русские женщины» Некрасова, и «Юрленок, орленок, мой верный товарищ», и чувство просветления и очищения, связанное с XX и XXII съездами, и мечты о будущем. И все это сливалось со словами «Интернационала», который пели сейчас в Москве коммунисты всего мира.

И я рад, что мне довелось это пережить здесь, на Петровском Заовде.

Николай ЛУКАНИН,

специальный корреспондент «Смены»

Поезд идет на Запад

Говорят, если хочешь быстро узнать чужую страну, — садись в поезд. Дорожные впечатления, разговоры с полупечальки дадут больше, чем можно узнать за то же время самым прилежным чтением. Я думаю об этом, глядя в окно вагона, который летит через континент, уводя меня на запад от атлантического побережья Соединенных Штатов Америки.

ДЖЕНТЛМЕН ИЗ БАЛТИМОРА

Окидывая взглядом амбициозные пакгаузы, машины, поля и добротные постройки, заводские корпуса и трубопроводы, бесконечные ленты оживленных автомобильных дорог, я размышляю о людях, чьиими руками создано все это: думаю о том, как им живется в такой богатой стране. Хочется спросить об этом соседа, американца лет тридцати — тридцати двух с необычно седыми висками. Он сед, как жесть, в Балтиморе, и я поинтересовался, куда он направляется.

— В Вашингтон, по делам. А вы, кажется, иностранец? Откуда?

— Из Советского Союза.

— А-э, из России... — сказал мой полупечка, усладо откидываясь на спинку кресла.

Долгое время мы сидели молча, сосед, кажется, задумался, во всяком случае, его глаза были прикрыты. Потом вдруг совершенно неожиданно, как будто продолжая начатую мысль, ни к кому не обращаясь, он произнес:

— Странные вы люди.

— ??

— Я много читал и читал о России. Все вы какие-то одержимые, что-то строите, куда-то стремитесь, верите в счастье, в лучшее.

Из-за окна на нас глянул ослепившийся новоявленный бронтосавр — рекламная фирма Синклер. Мой спутник резко отвернулся от окна.

— Многие считают, что у американцев чуть

ли не от рождения нет стремлений, нет высочайших жизненных идеалов. Это не так, — продолжил он. — Когда я окончил школу, у меня был жизненный идеал, я хотел учиться дальше, узнать как можно больше, помогать людям жить по-другому, красивее. Но когда я столкнулся с жизнью... о, тогда все полетело вверх тормашками. Вы пробовали учиться, когда вам совершенно ничего не стоило? Насколько я знаю, в вашей стране надо иметь желание учиться, и при наличии способности вы станете кем захотите. У нас же, помимо мозгов и желания, надо иметь доллары, много долларов, тогда вы добьетесь всего.

Он достал сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся. Затем с улыбкой произнес:

ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ОХОТНИК

Проснулся я сегодня, и показалось мне, что сон продолжается: в пруду плавали утки. После сотен километров заставшей Шлипки это выглядело как чудо. Дальний Восток!

Человек из соседнего купе выносит чемоданы, а его дочка — озорница Оля — последний раз показывает мне язык... По склонам сопки идут дожди, белые, как утки, кудрявятся небожата ластва, всюду оживление, магистраль то и дело пересекает дороги, у шагающих терпеливо ждут, как тракторы, поводы. Но ведь этот человек говорил, что в тайге, которая подступает прямо к оному его дому, он с приятелями охотится на диких коз? Он улыбается и сообщает, что здесь, вдоль дороги и Амуре, действительно жизнь кипит, а он живет в тайге, в ста километрах отсюда. Ее и сводить не надо — лишь распахнуть поляны. Какая земля! Людей сюда, людей...

И совсем уж не верится, что этой ночью в морозном Невере сидит Федор Павлович, учитель математики в школе-интернате, куда звенки привозят своих детей на оленях. Триста километров в автобусе по АЯМ (Амуро-Якутская магистраль) — и он дома.

Иные ребята охоты не талантливо. Особенно больше способны к математике и к рисунку. Лучшие рисунки и к математике и к рисунку отправляет на выставку в Якутск. Федор Павлович обещал и мне прислать несколько рисунков. Эти ребята очень любят рисовать. А вот с самым его любимым учеником произошел такой случай. Он ухитрился сбавить в тайгу, вернуться через два месяца и принеся учителям медвежий сала. Он сам убил медведя, и в честь победителя

охотники устроили праздник. И вообще, залив паренек, он знает все, что должен знать настоящий охотник, и уходит из школы. Долго пришлось убеждать его, что он знает далеко не все.

Давно уже среди звенков есть свои интеллигенты, но Федор Павлович помнит времена, когда тевжым людям приходилось вползать, что надо носить и менять белье. Он звал меня приехать и увидеть все своими глазами...

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Это письмо будет опущено во Владивостоке. Я переполнен впечатлениями, а тут еще входит в память Приморье с его голубоватыми сопками, близостью океана, полями и лугами, березками, чаи ветки, не как у нас, тянутся кверху, и колпачки, а которых солома не простая, а рисовая или соевая, станция, где стоят памятные партизанам.

Теперь я один в купе. Только что сошел мой последний спутник, лейтенант по имени Миша. Он сдавал экзамены на заочный радиотехнический факультет и прямо в дороге начал учиться. В руках у него учебник общей химии, пухлый и затрепанный, как роман «про любовь». Вечерами мы с ним читали «за дальню—даль». Эта книга кулена в той самой Могоче, куда, как полагал Твардовский, ехали его герои-молодожцы. А когда загорались синий ночничок, мы вспоминали разные уголки страны, куда нас заносила судьба. С еле заметным татарским акцентом Миша говорил о Поволжье, Урале, Кавказе, о степях Казахстана, о Дальнем Востоке, о Новосибирске, и выяснилось, что все края красивые и

интересны. Особенно хорошо он говорил о горных дорогах: идет автоколонна, посмотрись вверх, вниз — и кажется, будто все машины движутся навстречу друг другу.

У Миши, несмотря на молодость, зноем деловит. Он, между прочим, альпинист со дипломом. Случает сразу и по горам и по дипломом. Случает сразу и по новым товарищам. Очень мирный по своему складу человек и, может, именно потому отличный офицер, работник армии.

Вагон почти опустел. В первом письме я кажется, писал, что уходят в прошлое не только паровозы, но и такие дальние пассажиры, как я. Обрато, конечно, полечу. И все-таки думаю, что большинство будущих молодых сибиряков и дальневосточников предпочтут для первого раза поехать поездом. Представляю, с каким волнением они будут стоять у окон перед станциями, где им предстоит сойти, где ждут их сразу и неизведанные дали и тепло будущих очагов...

Что же еще можно добавить к этому письму с дороги!

Главное ощущение от дороги и от людей — уверенность в будущем, ощущение неосбыточной перспективы, которые открыла каждому советскому человеку Программа нашей партии. И еще одно — много у нас хороших людей. Ведь я не выбирал ни вагон, ни своих спутников.

И когда Новый год великого двадцатипятилетия за семь часов (несколько быстрее, чем «ТУ-104») пройдет по знакомой дороге от Владивостока до Москвы, я хочу пожелать этим людям счастья и мира.

— Вы не удивляйтесь тому, что я так разоткровенничался. Через два часа мы выйдем, и, очевидно, никогда больше не встретимся. Иногда просто необходимо выговориться.

Он заговорил быстро-быстро, словно боялся, что успеет за эти два часа рассказать всего, о чем переудам один на один с самим собой.

— Да, я хотел поступить в университет. Но вначале надо было заработать денег. Попытаться найти работу. Это удалось не сразу. Кому нужен коньяк, не знающий ни черта, когда квалифицированные люди ходят без работы! Но в конце концов мне повезло. Вы видите, парень я довольно крепкий — шесть футов шесть дюймов ростом. Меня взяли к себе телекрановителем одним очень преуспевающим делом. Эта работа принесла мне некую сумму — стою долларов, но изрядно истреляла мои идеалы.

Он невесело усмехнулся.

— Год проучился боев или маневр споконно. Потом деньги кончились, и я снова должен был бросить учебу, чтобы заработать эти проклятые доллары. Кем я только не был! Мыл посуду, работал официантом, служил в заводской полиции (за это, кстати, лучшее всего платили). И постепенно я обнаружил, что от моих идей нигогошеньки не осталось. Я понял одно: или я буду наверху, или меня сомут. Теперь и правдою себя. Но пойте: эта волчья тропа — единственный путь в Штатах.

— Ну и как вы считаете, вы победили!

— Это вопрос, на который сразу ответить... Мой собеседник глубоко задумался. Видите ли, с точки зрения американского образа жизни я победил. Но как человек я проиграл. Несмотря на молодость, я уже глубокий старик. Я больше ничего не хочу в жизни. Я хочу лишь покоя. Так что скоро всего я проиграл. Может быть, я и сейчас хотел бы бороться за идеалы, но у меня нет сил. И, честное слово, порой я завидую коммунистам и всем тем, кто в Штатах готов идти в тюрьму, но не отказываясь от своих идей...

Он вышел в Вашингтон. А мне запомнилась недавняя горячая дискуссия с вашингтонскими студентами.

В необычную комнату студенческого общежития набилась по крайней мере человек

тридцать. Расположились кто где мог: на подоконнике, на полу, на столе, друг у друга на коленях... Вентилятор не успевая справляться с густыми клубами табачного дыма.

Нас спрашивали, что такое коммунистический труд и как это советские люди сами, добровольно идут по примеру Валентина Гаганова на отдаленные участки своих предприятий, где получают мизерные деньги.

Собственно, с этого и начался разговор о морали. Среди наших оппонентов особенно горячился новосибирский черноволосый парнишка по имени Кент — студент богословия.

— Вот вы мне толкуете о моральном кодексе строителя коммунизма, изложенном в Программе вашей партии. Конечно, это очень хороший кодекс. Но наши моральные идеалы — идеалы христианской любви к ближнему, идеалы вселюбия — не хуже. Наш завет «любить ближнего своего, как самого себя» — самый высший и совершенный моральный кодекс. Этому нас учат с детства, и мы умеем любить людей.

На одной из улиц Нью-Йорка...

окончательно заинтригованный деловым «словарем» игры.

Эни, курносая, со смехом космичским, оторвался от изучения каких-то непонятных для меня записей.

— «Карьера». Вы, наверное, не американец, раз не знаете эти игры! — В ее взгляде промелькнуло синисодительное сожаление. — Мы вам сейчас объясним.

И она начала толковать тупому иностранцу правила этой замечательной американской игры:

— Вот я и Пегги бросаем кости и продаваем деньги вперед. А Барбара — банкир. Она платит деньги. К концу игры я должна набрать 40 очков — значит, сорок тысяч долларов. К этому сроку нужно еще получить на 10 очков личного счастья и на 10 очков славы. Ведь из этого складывается успех в жизни.

— Как же вы играете?

— Смотрите. Эти квадратики с цифрами — мой квадратный путь. Вот, например, я попала на квадрат 47. Это дает мне возможность вступить в бизнес. Так как у меня нет опыта работы, я должна заплатить хозяйню 500 долларов, если они у меня есть, и он берет меня на работу.

В разговор вмешалась Пегги:

Полница и детеныши расправляются с тем, кто борется за равные права негров с белыми.

— А если вам не повезет, вы попадете на ферму — пункт 18. Занятие сельским хозяйством не приносит много денег. Фермеры часто разоряются. Только вот этот квадратик в сельском хозяйстве очень выгоден: «Неужерой из вашего соседа, и вы скушаете все его хозяйство».

— А больше всего приносит долларов разработка урановых рудников, — солидно заметила «банкир» Барбара. — Смотрите пункт 65.

«Естественно, от квадратики с цифрой 65 шла отравляющая, на последнем пункте которого был изображен атомный взрыв».

— Добывать уран очень выгодно, — продолжала Барбара. — Из него делают атомные бомбы, а это приносит много денег.

— Да, но ведь бомбы делают, чтобы убивать людей, Барбара! Это же аморально!

— Но это все равно очень прибыльно. Я же не собираюсь сама бросать бомбы. А разве упустить предоставляющиеся возможности заработать не аморально!

— Все это говорит с укасающей серьезностью: неужели взрослый человек не понимает, что «морально» все то, что приносит прибыль? «Не я сама бросаю эти бомбы. И это в двенадцать лет!

— Мы сейчас будем играть, а вы наблюдайте, — предложила Пегги.

Началась игра. Дерзости игроку продвигались по жизненному пути. У Пегги дела шли из рук вон плохо. В самом начале она попала в больницу и должна была в соответствии с правилами выпустить из своего фонда двести долларов. Хозяйню она почем-то не поправилась, и он «выкинул» ее из дела. Все ее начинания кончались крахом. Но наконец ей улыбнулось счастье. Костюк привели ее к пунту, где

она встретила красивого молодого человека с хорошим перспективами в жизни. Он ее полюбил. В соответствии с правилами это сразу принесло ей очень много счастья. И тогда она предложила Эни:

— У меня теперь есть лишнее счастье, у тебя — много долларов. Я тебе могу продать избыток счастья.

— Сколько ты просишь?

— Двести долларов.

Эни немедленно выдарила ей две белых бумажки, на каждой из которых значилось 100. Как только Пегги передала ей талончик, обозначающий счастье, Эни разразилась смехом.

— Ты глупая, Пегги. Я была готова дать тебе за твоё счастье 500 долларов. Ловкое дельце я провернула.

— Отдай обратно немедленно мое счастье! — сплывали Пегги. — Это нечестно.

— Это очень честно. Если ты глупая и не можешь приспособиться к жизни, то при чем здесь я? Неужели ты думаешь, что если ты моя подруга, то я буду тебе помогать в убыток себе?

Пегги плакала.

Теперь закончилась эта детская игра, придуманная взрослыми. Игра, копирующая жестокий взрослый мир современной Америки, приучающая детей выше всего ценить деньги. Неужели было дать лучшего ответа студенту богословия Кенту, чем, это сделала игра «Карьера», слезы маленькой Пегги и смех победительницы Эни.

И, как бы продолжая детскую игру, за окнами нашего экспресса взрывались осветительные огни неона, освещая броскую рекламу кинофильмов-ужасов. Сулержен вскинул на уровне ваших глаз черное око пистолета, ковбойское лесо взвивается над вашей головой, человекоподобное существо сдвинуло в обтяжках красавцу в разорванном пеньфюре. Финальные убийства, садизм, растление. Вбешенный сто словно задыхаясь пытался подавить человеческое сознание этими оготельными вспышками света. Да только ли неон, только ли кино задыхался этой силой!

«Маленькая станция. Книжный ящик. Стайка детей застыла перед криничами обложками Бовенко. И снова обнаженные герлы, и снова обезьяны лбы гангстеров... «Убийство в бударе», «Женщина-змея», «Эта розовая плоть»... Но самое дикое и уж совершенно не поддающееся никаким объяснениям — разрушение людских, хранящих в памяти горе и разруху войны, — книги о фашизме. Почти с каждого стэнда на вас смотрит одуловатое лицо Гитлера.

И да позволено мне будет спросить у студента-богослова Кента:

— Фашизм вы тоже приписываете к христианской морали!

КОМУ ЖЕ НУЖНА ВОЙНА!

Фашизм... Эта встреча произошла как раз в тот момент, когда экспресс пересекал Миссисипи.

— Природой любуетесь, сэр! — неожиданно прокричал сады незнакомый голос.

Я оглянулся. Передо мной стояла на редкость непривлекательная фигура. Ниже среднего роста, с узкими плечами, впадой грудью и большой головой на тонкой шее. От пыльной одежды отличалась лишь болшим, как лопухи, ушами и обилием прыщей на лице. Таких типа в народе называют сморчками. Кто и говорить, привлекательности этому молодому человеку, я это, кажется, был молодой человек, но жалко. Я ждал, что последует дальше.

— Мне сказали, что вы из России, — продолжал он на английском языке, в котором даже я улавливал иностранный акцент. — А я из Федеративной Республики Германии, или, как у вас говорят, Западной Германии.

— Нет, почему же, у нас тоже говорят ФРГ, насколько я знаю, — спокойно ответил я.

— Развет Ну, Впрочем, неважно. Не можете ли вы поделиться со мной тем, что вы думаете о моей стране!

Он говорил все это в каком-то очень странном тоне. Чувствовалось, что ему совершенно безразлично, каков будет ответ. Все же я ответил, что было бы гораздо лучше, если бы его правительство не перевооружило свою страну, не требовало бы атомного оружия для

бундсвера, не поощряло нефашистов, а видные политические деятели не шумели о реванше, что...

— Но он не дал мне кончить.

— Кого вы имеете в виду под политическими деятелями, не нашего ли канцлера!

— И то же самое.

— Так вот, наш канцлер — великий человек, — сказал он с угрозой. — Да, да, наш канцлер приведет Германию к величию...

— Кажется, фюрер обещал сделать то же самое. Не напомнить ли вам, чем все это кончилось?

— Он осекся и продолжал несколько спокойно:

— Да, мы с вами встречались два раза, и два раза вам удалось спастись.

Я захохотал.

— Простите, кому удалось спастись? Я что-то не совсем понимаю.

— Мой смех его взорвал.

— Так знайте, что мой отец нацист, он воювал против вашей страны. И я разделяю его убеждения. А сейчас, когда нас поддерживает Америка, эта великая ст...

В этот момент на его плечо легла чья-то большая рука. Над моим собеседником возвышалась могучая фигура американца.

— Заткнись ты, смурк — прокляе он скривил зубы. — Я давно привыкнушаю к вашему разговору и ценю сдержанность этого парня, — он кивнул в мою сторону. — На его месте я бы давно из твоей противной рожки сделал мирот с яблочным джемом. Впрочем, — он оглядел его плугую фигуру, — если тебе стинуть, то ты слоухить можешь. Пошел отсюда, провокатор...

— Вы не имеете права, — попробовал было пискнуть сморчок.

— Я тебе сейчас покажу право. А ну!

Фашист не стал ждать дальнейшого развития событий и поспешно ретировался.

— Я не политик, парень, я мастер на заводе. Конечно, много вещей не понимаю, но таких вот сумных сынов, как этот тип, вижу повсюду. В союзники лезет. Я может быть, говорю неслухно, но все-таки скажу. Конечно, дела между нашими странами идут не так чтобы очень здорово. Хуже, чем сами хотелось бы. Но я думаю, что мы с вами договоримся, ведь делить нам ничего, черт побой! Не верю я, когда мне твердят, что Советы хотят войны. Всегда говорю: они столько строят, теперь новую Программу на двадцать лет при-

Васиса и салонные щетки вместо школы. Маленьганам втовпяку, что таким путем можно выбиться в миллионеры...

явля. Я ведь это тоже знаю, — и он с гордытосой посмотрел на меня. — За каких дьяволом вы войной?

Он помолчал. Вагон катился по рельсам, чуть вздрагивая на стыках.

— И мне война не нужна, — вдруг сказал новый собеседник, — и моему соседу Джиму не нужна, и всем ребятам на заводе. И я иногда задумываюсь: в чем же дело?

В купе воцарилось молчание. Незнание, о чем размышлял полупучик, а я думаю о том, что если бы правительство США прислушалось к голосу вот таких простых американцев, то не было бы в мире ни «холодной войны», ни гонки вооружений, ни перевооружения ФРГ. Ведь западногерманский милитаризм вскорленил американские доллары. Да, если бы правительство США прислушалось к голосу про-

ствых американцев, то не поднимал бы сейчас ополу фашизм. И не только в ФРГ, но и в США. Везде разрастается сегрегация негров, бойня в Литтл-Роке, забивание в кусты рейсов свободомыслящих репрессии против Коммунистической партии — разве же все это не фашизм?

ЦИФРЫ «ДАРЕМ МОРНИНГ ГЕРАЛЬД»

В курьезный салон вагона входит высокий, уже молодой негр. Он знает своего собеседника и она между ними — это знаменитый республиканским सदославом джентльменом. Увидев рядом с собой негра, джентльмен зло бросает недокуренную сигару и демонстративно покидает салон. Еще два-три человека следуют за ним.

В дороге знакомства завязываются быстро. И уже через несколько минут негр говорит мне:

— Вот люди, которые громче всего кричат о свободе в нашей стране и в же гораздо глубоко сожалют, что меня сейчас нельзя линчевать. Уж кто-то, а я знаю это прекрасно. Четыре раза меня бросали в тюрьму, нещадно избивали рассты. Угрозы я получаю по почте, слушаю по телефону. И все это за то, что я не отдаю трих лет своей жизни, отдав шесть боролся за права негра. Да что я вам об этом говорю? Вот один из последних номеров газеты нашего штата, который рекламируется везде как образцовый шаг в решении расовых проблем.

Он протянул мне свежий номер «Дарем морнинг геральд». На целый разворот здесь был опубликован отчет Консультативного комитета гражданских прав Северной Каролины. И я не могу удержаться от того, чтобы не привести здесь несколько фактов из этого отчета.

«...После двухлетнего изучения социальных, экономических и правовых проблем белого и негритянского населения штата комитет пришел к выводу, что дискриминация по расовому признаку является общеприимным явлением в Северной Каролине».

«...В шестидесяти семи избирательных округах Северной Каролины в 1960 году менее пятидесяти процентов негров было зарегистрировано для участия в выборах».

«...Из-за нехватки материальных средств многие негритянские школы закрываются. В этом году более тысячи восьмилет негритянских детей попали в одном из округов оказались на улице, хотя школы, в которых они учились, должны были обеспечиваться необходимыми фондами. К сожалению, эти фонды были перерасходованы на школы для белых».

— К этим фактам добавлять нечего, — с грустной улыбкой сказал негр. — Единственно, что я еще хотел вам посоветовать: избегайте побывать в негритянском гетто. Ну, скажем, в Гарлеме. Причем обязательно пройдитеесь пешком. И тогда вы четко почувствуете границу между белой частью Нью-Йорка и Гарлемом. Пересеките одну из стрит — и сразу же на свежем чистом воздухе приходится грязь, мусор, дети, копошащиеся в помойках. Муниципалитет на Гарлем не обращает никакого внимания. Дома перенаселены, нет никаких элементарных бытовых удобств. Зато сколько в этом районе кабаков! Близко к каждому шагу пивная. И все пивные, кстати сказать, принадлежат белым. Это огромная политическая сила — кабаки в Гарлеме. Как он растевет дуршак, отравляет мозг, лишает волю и борьбу! Вот почему банки всегда с готовностью оказывают белым владельцам пивных финансовую поддержку».

Внезапно моего собеседника перебила барабанная дробь. В конце вагона оказалась старик негр и маленький черной мальчик. Старик еще энергично закуривал в барбафан, и мальчонка, неожиданно прогнувшись, взлетел над полом в высоком салуто, потом сделал молча, прошлся колесом по всему вагону. Его тело нырнуло от потолка, дыхание свралось. Старик молча пошел по вагону со шляпой, мальчонка же бежал в грязь вагона, чтобы снова вернуться в салуто и ходить на руках. И сколько их еще впереди, таких вагонов: пять, десять, двадцать, а может, больше? Может быть, все жизни? Я не знаю. Но я никогда не думаю увидеть в середине XX века индустрию абсолютного пудала, сыгранную не на сцене, а в жизни...

КОРАБЛИК СЛОВ

А колеса стучат, стучат... Экспресс отбрасывает назад тысячи и тысячи километров железнодорожного тракта. За окном — аккуратные коттеджи с гаражами и скромные жилые постройки — домики барачного типа — какие сельскохозяйственные рабочие.

— Вы впервые в этих краях? Я отворачиваюсь от окна. Напротив меня два американца.

— Да, мне не приходило бывать здесь раньше. — Ациент заметает.

— Так вы иностранец? Откуда прибыли? Узнаю, что я из Советского Союза, спутники оживляются.

— О-о! Мы много слышим о вашей стране. Особенно в течение последних лет.

Знакомимся. Оба американца оказываются миссионерами! Да, да, миссионерами. Представьте себе! Я готов был, отправляясь в США, встретить кого угодно, но миссионеров... С этим словом, по крайней мере у меня, было связано представление об индских джунглях, африканских пустынях, островах Океании. Причем время действия относилось скорее к XVIII, ну, к XIX веку. А тут в середине XX века в центре Америки сидели перед мной два живых миссионера. А во всей Америке, как они мне сообщили, их без малого сто двадцать тысяч. И объединены все они в каверское «Общество американских друзей».

— Везде, где возможно, мы стремимся помочь людям, — говорил мне один из них, Дик. — Мы стремимся улучшить нашу систему образования, стараемся помочь безработным, отказываемся служить в армии, выступаем против расовой дискриминации.

устроили троих парней на работу. Одного на табачную фабрику, двух других в ресторан. Потом, потом... — Он замаялся...

— К чему тут же приходит на помощь Джим: — Направили несколько человек в профессиональную школу. Наши работу для двух полотора...

На последних словах Джим споткнулся, видимо, после огромной разрыв между устроением на работу двух полотора и высоким штилем» своих проповедей. Я удержался и улыбнулся. И тут у меня сорвался, может быть, бестактный вопрос:

— Ну, а пять с половиной миллионов безработных американцев вы могли бы устроить на работу?

— Дик потемнел.

— Вам кажется, что результаты наши ничтожны? Но вам не понять, как нам приходится трудно. У нас в стране сложилось самое гадкое — власть денег. Нам приходится работать в одиночку. У нас все действуют в одиночку. Деньги откупают людей друг от друга, мешают им понимать друг друга. Страх потерять работу мешает им объединиться. Даже молодежь. Вы, наверное, знаете, что наши профсоюзные боссы придерживаются так называемого принципа старшинства. Это значит, что когда на предприятии увольняют рабочих, сокращают в первую очередь молодежь. И, конечно, что ж здесь греха таить, мы не всегда можем облегчить участь человека. Доллары сильнее нас. Они душат, дают людей, делают их трусливыми, и надо молча, ломать этого дьявола...

Я смотрю на этих людей и чувствую: в глубине души они понимают, но просто боятся

Пикет забастовщиков. Они требуют справедливой оплаты своего труда.

В разговор вмешивается второй спутник — Джим:

— Бог одарил человека «внутренним светом», который обязательно победит тьму, и все люди поймут, как они бывают порой несправедливы друг к другу. И мы должны поддерживать этот внутренний свет. В этом наша миссия.

Джим — священник квакерской общины. Речь его течет плавно и медленно:

— Как часто мы пускаем друг к другу корабль слов, но они не доходят до места назначения, потонув в бурном море жестокой действительности.

Возвращаете минутное молчание.

— Ну, хорошо, — говорю я, — а, кроме проповедей, что вы делаете конкретно?

— В прошлом году, — вспоминает Дик, — мы

признаете себе в том, что их деятельность — лишь капля в море и что они бессильны решить важные проблемы жизни человека, сделать жизнь его лучше, светлее. Да и понимают ли они, эти, по-видимому, честные и бескорыстные парни, что им разрешают их деятельность лишь потому, что она в какой-то степени затуманивает сознание простых людей Америки, отвлекает их от настоящей борьбы за свои права.

И я снова гляжу на опрятные коттеджи, пробигающие за окном, но теперь они не кажутся мне такими красивыми, как раньше. Я понимаю, что нет мира под этими крышами и что в эти предновогодние дни нет мира и в душе простого американца, но Новый год, в который, сверкая, мчится экспресс Америка, не несет ему ни спокойствия, ни уверенности в завтрашнем дне.

За последние годы во всех московских театрах открылась «зеленая улица» для молодежи. Ее первыми ответственными стали режиссеры театра, порушившие главные роли в новых постановках. Сама жизнь подсказала необходимость разобораться во всех этих работах, тем более, что голубой свет творческой деятельности молодежи происходит сменяет назад.

И вот недавно в Москве состоялся новый смотр творческой моло-

дежи театров, посвященный XXI съезду партии. В нем приняло участие около трехсот человек — актеры, говорящие сама за себя.

Нам хотелось бы рассказать вам обо всех: о певцах, режиссерах, художниках, актерах оперетты и драматического театра. Но границы журналистского полета вынуждают выбрать всего несколько человек. Мы представляем вам актеров драмы. Их шестеро. Возможно, что с кем-то из них вы уже знакомы по кинофильмам, а может быть, и по спектаклям.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

О. РАДИЦЕВА

НИКИТА ПОДГОРНЫЙ

получил первую премию. Несомненно, что его творческая стихия растет, хотя и интерес сохранился в роли Яны Иногиты в фильме «Наша». И все же только театр с его особой атмосферой Долгие ренессансы по утрам, когда при свете догорающих ламп на старой, выжухшей клеенке и красными стенами Малого театра, где работают Подгорный и другие, дает работникам театральные возможности и всякий раз выходящий новым человеком: благодарным и пыльным Сергеем Александровичем в «Селе Степаничово», глумливым и пошлым прокатчиком Боркиным в «Няновом» или архальным генералом в «Ирмаре» тшислава». Как далеко от нас теперь люди! Но Подгорный знает, какими они были, как носили свои теперь вышедшие из моды костюмы, что любили и что ненавидели, какое место занимали среди людей своей эпохи. Он и зрителя заставляет поверить в достоверность этих отдаленных от нашего времени героев.

Н. Подгорный (справа) в роли Николая («Нартоного домина»), слева — народный артист РСФСР И. Светловдов, исполняющий роль Гаврилина.

А современники? Их внутренний мир понятен и близок актеру. Вот народный артист, обладатель сердца, по роману Юна. Везале. Он, конечно, не вполне современник Подгорного. Везале — современник близок духу. Зато Угис из фильма «Молодые братья» и Николай из «Нартоного домина» — герои, жаждущие свободы, где-то рядом. У Подгорного они на первый взгляд кажутся смешными неудачниками. Но за этой обманчивой внешностью скрываются большие правдоискатели, ненавидящие равнодушие и фальшь. Года бесчисленных поисков своего дела в жизни объединяет этих героев.

Если посмотреть на образы, созданные Подгорным, становится ясно, каких успехов достиг актер в освоении его актерского дарования: от харищанских фигур и психологически типичного прошлого до странных, идущих героев современности.

НИКА ГУЛЯЕВА

тоже одна из счастливых обладательниц первой премии. Она своеобразный человек в искусстве. В старом театре ее бы назвали «старухой», что означало актрису на роли детей и подростков. У Гуляевой действительно все данные

трагедии. Но, может быть, потому, что она работает в Художественном театре, в том, нам известно, с первых дней существования были отменены ампулы, она смогла расширить границы собственных возможностей.

Все ее героини во многом родному, сочному, непременно сильно. Да она и сама такая актриса, любящая характерное, широкое, определенное на сцене. Если жизнестойкость, то захватывающая, расширяющая горизонты, то со слезами.

Талантливая поступила в ГИТИС на самодеятельности. Другой любви, чем театр, для нее не существовало со школьных лет. Ей пришлось много работать над голосом и пластикой, над тем, чтобы ее драматическое дарование могло свободно раскрыться в ролях.

Все ее героини во многом автобиографичны, хотя и представляли бы героев. Общие у них одно: они умеют добиваться цели, любят до конца отстаивать свое дело, в них бытует та же жизнестойкость, творческая выносливость, как и в самой их создательнице. Эти черты отличают ее Тоню в «Суровой любви», девочку, только что вступившую в самостоятельную жизнь, в которой, по ее мнению, непременно нужно совершить подвиг; и Дашу в «Битве в пути» — ее нестройной женой социализма, срывающейся за сном, неизменно внешнею, неизменно выходящей за пределы себя.

И. Гуляева — Даша («Битва в пути»).

Гуляева с успехом играла и детей: Майю в «Платоне Кречете», Серую в «Алле Карениной», а также в «Ученике дьявола», Аллочку в «Дороге через Соколыни». Но вот наконец появились две долгожданные роли: Даша в «Битве в пути» и Настя Ковалева в фильме «В степной тишине». И в них по-новому раскрылось своеобразное спичное дарование Ины Гуляевой.

В этих ролях актриса стала по-новому выразительной. Передней открылась возможность работать над глубоким драматургическим материалом, позволяющим многопланово раскрыть внутренний мир, индивидуальность, прелесть, остроту, пугливую Дашу и отчаянную в своем упрямстве героиню Настю, выходящую предельно наперекор своим начальственным делам.

Пока только два образа. Но решительный шаг сделан, право завоевано и открыты дороги для новых экспериментов.

ВАЛЕНТИНА ТАЛЫЗНА И ИЯ САВВИНА

работают в одном театре — в Театре имени Моссовета, но пришли к нему разными путями. Эта разница биографии выразилась в разнице их творческих почерков. Валентина Талызина родилась в Сибири. У нее вкус ко всему на-

В. Талызина в роли Дашы («Битва в пути»).

Ее участие в «Даме с собачкой» и «Кроткой» не прошло бесследно для зрителя. Актриса подкупает тонким внутренним психологизмом и умением передавать стиль эпохи. Вспомните ее Кроткую. Сколько бесловесного презрения пошло от нее, когда она, тонкая нищета, вышла замуж за растовящего и теперь вынуждена жить и кормить себя от великодушного угрюмого супруга. Пугада и оскорбленная гордость кричат в ее немнимогах глазах.

Еще будучи студенткой факультета журналистики МГУ, Ия Саввина с большим успехом играла Лиду Матгосову из «Танго любви» в Студенческом театре университета. Театр имени Моссовета сумел использовать в Саввине ее сильные стороны: стремление и передачу психологии, эмоциональную выразительность образа. Ей поручили роль Норы в одноименной драме Иосифа — одну из лучших ролей классического репертуара. Игак, Театр имени Моссовета можно поздравить с двумя актри-

родному, сочному, непременно сильно. Да она и сама такая актриса, любящая характерное, широкое, определенное на сцене. Если жизнестойкость, то захватывающая, расширяющая горизонты, то со слезами.

Талантливая поступила в ГИТИС на самодеятельности. Другой любви, чем театр, для нее не существовало со школьных лет. Ей пришлось много работать над голосом и пластикой, над тем, чтобы ее драматическое дарование могло свободно раскрыться в ролях.

Многие уже успели увидеть и познакомиться с Саввиной.

И. Саввина исполнила роль Норы в спектакле «Нора».

В спектакле «Нора» И. Саввина исполнила заглавную роль.

Ее участие в «Даме с собачкой» и «Кроткой» не прошло бесследно для зрителя. Актриса подкупает тонким внутренним психологизмом и умением передавать стиль эпохи. Вспомните ее Кроткую. Сколько бесловесного презрения пошло от нее, когда она, тонкая нищета, вышла замуж за растовящего и теперь вынуждена жить и кормить себя от великодушного угрюмого супруга. Пугада и оскорбленная гордость кричат в ее немнимогах глазах.

Еще будучи студенткой факультета журналистики МГУ, Ия Саввина с большим успехом играла Лиду Матгосову из «Танго любви» в Студенческом театре университета. Театр имени Моссовета сумел использовать в Саввине ее сильные стороны: стремление и передачу психологии, эмоциональную выразительность образа. Ей поручили роль Норы в одноименной драме Иосифа — одну из лучших ролей классического репертуара. Игак, Театр имени Моссовета можно поздравить с двумя актри-

сами, олицетворяющими полярные точки в искусстве современности и классику, характерности и заостренности. Оба качества присущи актрисе второй премии.

ВИТАЛИЙ КОНЯЕВ И АЛЕКСЕЙ ЭЙБОЖЕНКО

обраты по театру. Оба окончили театральные училища имени Щепкина. Дальше пути их разошлись. Коняев вступил на сцену Малого театра, Эйбоженко — в Театр драмы и комедии. Своими путями их снова сошлись, разумеется, лишь в известной степени на смотре молодежи, отличившись по третьей премии.

В. Коняев — Сергея («Песня о ветре»).

К третьей премии нередко относятся с огорчением, когда думают об успехе и личной славе. На самом деле это лучший пример хорошего результата в настоящем и обаяния завлечь на будущее. И это особенно справедливо, если посмотреть, что делают в искусстве Коняев и Эйбоженко.

Виталий Коняев запомнил все, как видел кинофильм «Чистое небо». Не забывает его Пета с открытым лицом, каким-то детскими рясцами и нежной мужественной любовью. Образ Петы, получивший глубокое психологическое, потребовало истинного творчества и отказа от привычной типичности, по которому Коняев иногда используют в театре, получая ему такую роль, как Сергея в «Песне о ветре» — схематичного положительного героя, хотя он гораздо интереснее проявляет себя в характерной роли Индолислова («Село Степаничово»).

Алексей Эйбоженко в своей еще короткой профессиональной жизни истинно и глубоко выдохнул всеми актрисами своего театра: Иванной в «Песне о ветре» и Сергеем Германовичем Вирман. Мы помним его участие в студенческие годы. Вирман выступила режиссером спектакля «Четверо под вывеской киевля», где Эйбоженко играет роль аспиранта Савва. Это были две интересные встречи в искусстве, ставшие для молодого актера постоянными творческими встречами. Они привили ему любовь и полноту театральной выразительности и остроты сценической формы.

Этими качествами отмечен его труд в работе над образом короля в романтической пьесе Валентина Талызина «Наша дача». «Наша дача» — роль Шута в числе других ролей была выдвинута на сцену и принесла Эйбоженко заслуженную победу. Его Шут представлял собой человека, восторженным, решенным в традициях исполнения подобных ролей с их глубоким подтекстом и яркой театральностью воплощения.

Роль Шута в «Нашей даче» — отличная работа А. Эйбоженко.

ТЕПЛОЕ МЕСТЕЧКО

НА ЧУДЕСНЫХ КРИСТАЛЛАХ

Многие помнят первые детекторы радиоприемники. Сколько хлопот доставлял радиодетектор! Запасный детектор — выпрямитель — стальная пружинка и кристаллик С ловлением радиомая детектор был неслаженно забывает. Вспомнил о нем только во время войны, когда радиостанции на военных станциях потребовались портативные выпрямительные устройства. Началось победное шествие полупроводников.

Совсем недавно полупроводники «полюбили» в вагоне электрички. «...На испытательном кольце Центрального научно-исследовательского института железнодорожного транспорта стоит на рельсах приборный электропоезд. Такие поезда работают на постоянном токе. А это сильно упрощает и удешевляет их эксплуатацию. Приходится выпрямлять переменный ток в огромных и нередко капризных

рутных выпрямительных установках.

Ученые института решили пойти, а выпрямительное устройство установить в вагон. Но где же поместить громоздкие рутинные выпрямители? А в кристаллах! Их заменили компактные кремневые выпрямители — потом кристаллина и стальной пружиной детектор прикинули. Они-то и превращают переменный ток в постоянный. Оттуда — добротная в выпрямительных подстанциях, которые приходится строить на железной дороге через каждые десять — пятнадцать километров.

Чудесные кристаллы сэкономят государству сотни миллионов рублей и помогут сделать электропоезд еще более надежным в работе.

И. ПЕТРОВ

ЕНТАКОМАНДУЕТ

В лаборатории механизации кислородной резины ВНИИВантога намылили необычайно чудовищные фигуры, вырезанные из толстого стального листа. Точность обработки их была настолько высокой, что, извасова, они сделаны искусной рукой.

Роль кованера выполняла специальная машина. Она режет металл без помощи человека; оператор только наводит направляющую в чашечку — забота удивительной машины.

...На металлический лист опускается газопыльный резак. Он прорезает металл, потом несколько отделяется от поверхности листа, и огненная струя прожигает сталь. Затем резак опускается и, сдвигаясь поперек, продолжает указывать, едет по листу, оставляя за собой узор. В точности повторяющие форму стальных эллипсов и других фигур, вырезанных ранее.

Чудесный резак очень внимательно следит за собой. На примонитивных участках он режет сталь быстро, но затормаживается и притормаживает, чтобы не возник так называемый «непрорез».

Через двадцать минут «пустешеский» огненный жала по стальному листу заканчивается пламя гаснет, работа окончена. Об этом сообщают гудок sireны и вспышка сигнальной лампы.

Кто же управляет резанком? Аппарат, напоминающий магнитофон. На его магнитную ленту были записаны все моменты, их и выполняющая машина. Электронные импульсы «считают» с ленты при помощи радиотехнических устройств, усиливаются и вызывают ту или иную установку.

И. НИКОЛАЕВ

СВЕТИТ, ДА НЕ ГРЕЕТ

Известно, что количество тепла, падающего на квадратный сантиметр, в Антарктиде больше, чем в Крыму. Объясняется это довольно просто: в Антарктиде воздух отличается повышенной прозрачностью, а это способствует проникновению солнечной радиации. К тому же за последние тридцать лет в Антарктиде солнце не заходит за горизонт.

Тогда почему же в Антарктиде куда холоднее, чем в Крыму? Объясняется, на шестом континенте, по крайней мере, солнечным светом и льдом, почти все солнечная радиация отражается.

Подсчитано, что снег отражает 50—60 процентов, а все остальное — 20—34 процента, снежником, облака — 60—90 процентов.

Именно поэтому в Антарктиде солнце «светит, да не греет».

УДИВИТЕЛЬНОЕ СОВПАДЕНИЕ

Братскую ГЭС строят люди пятидесяти национальностей.

В этот момент в Братске два посетителя наши зарубежные друзья.

Если принять это как фактор во внимание, то мы не удивимся, если вы увидите в Братске клуб международных друзей. У клуба есть свой герб и свой ежемесячный устный журнал.

Хозяева клуба — молодежь. Вход свободный, журнал — на немецком и очень верте. Если вы придете чуть позже, зал переполнен, и вы в лучшем случае будете стоять в дверях.

Интереснейшее радио — это «Глобус»!

В Братске нет телевидения. Телецентр появится не скоро. А люди так хочется посмотреть телевизор. Телесеть Юрия Гагарина расширяется по всем кварталам района: «Показывает Братский телецентр. Телевидение сегодня и завтра».

САМАЯ дорогая из всех опечаток была обнаружена в прошлом веке в США. Когда в 1864 году в Нью-Йорке ввели в оборот так называемый «рифф», несколько английских фабрикантов удалось подкупить американских корпораторов. Они предоставили заводу в Нью-Йорке лицензию на производство «риффа» за плату в размере 100 тысяч долларов. Благодаря чему за него приходилось платить ту же пошлину, что и за обыкновенный металл. Опечатка была обнаружена только через пятьдесят лет. За эти годы США потеряли таможенных пошлин на сумму 49 995 776 долларов!

САМЫЙ необычный вид почтовой связи существует в Индонезии, между островами Палау и Надирю. Ровь плавников вымывает морское течение, которое омывает оба острова, образуя замкнутый круг. Письмо отправляется в море, проходит расстояние от одного острова до другого за 24 часа. Мителы обходятся без обычных почтовых ящиков, потому что пародок курсирует между островами раз в неделю.

САМАЯ удивительная река протекает в Греции. Река Авар иероса, тем, что шесть часов она течет к морю, а шесть — от него. Это явление периодически повторяется. Иногда объясняют течения реки влиянием на нее приливов и отливов и связывают с этим колебанием уровня Эгейского моря.

САМЫЕ редчайшие стороны в магазинах, складах и домах находятся в Индии. Их роль выполняют джессорские змеи. Забравшись в магазин, змея не успевает еще осмыслить с обстановкой, а кто-то бежит вон из его ног, и чья-то улыбка приближается к его горлу. Преступники думают от страха, что змея собирается напасть, но не позволяют на помощь, «сторож» задушит его насмерть. Змеи-сторож определена зарплата, но получает ее джессорскими.

САМЫЙ первый автомат-продавец появился в Древней Египте. Уже в 50 году нашей эры тамные автоматы были установлены на улицах Александрии и после опускания в них мелкой монеты выдавали порцию пивной воды.

САМЫЙ оригинальный праздничный умин был предложен одним английским ученым группе химиков, представлявших крупнейшие фирмы по производству пищевых продуктов. Им предложили из четырех видов вымучить из специального холодильника. Первым был подан на стол салат, изготовленный в 1900 году. На второе — жареная ножка, заправленная в 1849 году. На третье — поставил лунтик, приготовленный в 1825 году. Четвертое (шоколад) отнеслось к 1812 году. Бесчисленные извлеченные из герметически закупоренных коробочек, были введены в пригласительными. Ниинте из экспонатов не отравился!

САМЫЙ оригинальный памятник в мире находится близ города Оттавы (Канада). Памятник представляет собой гигантский шар диаметром 9 метров. Он посвящен... сыру. История этого необычного памятника такова. В 1890 году в Чикаго открылась международная выставка пищевых продуктов. Сыровары Оттавы отравили на выставку «головку» сыра диаметром 9 метров, которая весила десять тонн. На изготовление сыра потребовалось почти сто тысяч метров сыра. Канадский колосс получил специальный большой прирост. В честь этого события в Оттаве воздвигнут необычный памятник, представляющий собой точную копию сыра-«монумента».

Собран С. ФРОЛОВ

Сцену клуба «Комсомолец» затмили маршей и обрамляли вымпелы. Звучали марши, слышались банды и ружья, которыми регулируют свет, звук и резкость изображения.

В этот момент на сцене появился очередной выпуск «Глобус» — с литературной и музыкальной страницами, с «телевизионными» эстрадными обозрениями. Если исполнителя было много, выходя и он уходил «в тумане», его «наводили на резкость», и он блине подходил к маршевому зранию.

В конце первой декады апреля «Глобус» распространял напечатанную в типографии красочную афишу: «12 апреля. Очередной выпуск устного журнала. Человек в космосе! Сообщение номер 8. Александров».

Днем 12 апреля (тыщите пятичасовую разницу с московским временем!) в эфире прозвучало сообщение ТАСС: Юрий Гагарин совершил первый космический полет.

— Как! Конечно! Но мог вестись всех желаний! Ничего! Александров вышел на сцену и сказал:

— Как и было объявлено в нашей афише, сегодня первый человек побывал в космосе...

С мест вспыхивали реплики: «Так как же вы рассказали про это знали? Почему нам не сказали? Мы бы радио слушали, и мы бы влетели в эфире сообщения ТАСС мы записали на пленку! Спасибо!»

— А все-таки знали вы или нет?

— Товарищи, наш «Глобус» просто идет в ногу со временем.

Е. БОРИСОВ

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ВЕКА

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение. Начало см. №№ 117—123.

Волгин обратил внимание на фамилии двух людей, очутившихся на корабле фазотонцев и сумевших понять его устройство: Мельникова и Второв.

Те же фамилии носили два члена экипажа «Ленина». Что это, совпадение, или Игорь Захарович и Мария Александровна — родственники первых космонавтов?

Вспомнил о Мельникове, Волгин нахмурился. Из двенадцати своих современников, так неожиданно прилетевших к нему из бездны Вселенной, с ней одна у Волгина не установились простые и дружеские отношения, она одна тревожила и волновала его при каждой встрече. Тяжелые воспоминания прошлого овладевали им в ее присутствии, и он не мог относиться к ней так же, как к остальным.

Это происходило потому, что Мельникова была очень похожа на погибшую жену Волгина — Ирину. Сходство между ними поразило его, как внезапный удар, еще там, в Космограде, когда он первым встретил космонавтов у выхода из корабля.

Сперва он не заметил ее: Мельникова скромно держалась позади. Его порывисто обнял и долго не отпускал от себя Виктор Озеров. Потом его обнимали Второв, Котов, Станиславская. И вдруг он увидел... Иру!

Она стояла близко от него без шляпы, и золотистые волосы свободно рассыпались по ее плечам. На Волгина смотрели черные глаза под черными бровями. Никогда, ни у кого не встречал Волгин таких волос и таких глаз одновременно.

Он впился в нее глазами, взволнованный, не понимая, что перед ним: реальность или галлюцинация, вызванная встречей с современниками.

Мельникова заматно обиделась, не понимая, почему он не обнял ее, как другия, а поздоровался с ней сухо и сдержанно. Только через несколько дней, уже в Ленинграде, Волгин объяснил причину своей «холодности».

— Право, мне очень жаль, — сказала она и протянула ему руку, тонкую, но сильную, как у мужчин.

Он понял, что она знает, как ему тяжело, и жалеет его от всего сердца.

И если бы не сам Волгин, искавший ее общества, они виделись бы редко. Мельникова явно избегала Волгина, пользуясь для этого любым предлогом.

Зато остальные космонавты, в особенности Виктор Озеров, казалось, не могли наглядеться на Волгина и готовы были проводить с ним дни и ночи. Они часами говорили о жизни в двадцатом и двадцать первом веках, вспоминали события, которые для одного были будущим, а для других прошлым, но проносили как будто при их первой жизни. По отношению Волгину, космонавты называли свою теперешнюю жизнь второй «жизнью».

«Второй» мир, равно незнакомый им всем, в эти первые дни особенно забит. Они наслаждались обществом друг друга. Вышло так, что после того, как результаты экспедиции будут переданы Игорю Захаровичу «Ленина» вместе с Волгиным отправится в по-торую он прервал ради них.

Волгин уже начал учить своих друзей современному языку. Федоров рассказывал Волгину о болезни Озерова. Правда, и все остальные в той или иной степени были затронуты этой болезнью — токсикой по прошлому, — но у молодого штурмана она проявлялась в обостренной форме. Присутствие Волгина служило отличным лекарством.

По совету Федорова Волгин предложил Виктору поселиться с ним в одной комнате, и тот встретил это предложение с таким восторгом, что Волгин невольно рассмеялся. Ему нравился Виктор, он понимал его и сочувствовал ему. Чуть ли не в один день они стали закадычными друзьями.

В первый же вечер, оставшись наедине, они рассказали друг другу всю свою жизнь. У них оказалось много общего. Разница в «возрасте», равная почти целому веку, не мешала хорошо понимать мысли и чувства.

Виктор признался своему новому другу в любви к Ксении Станиславской.

— А как она? — спросил Волгин.

— Не обращает на меня никакого внимания.

Волгин улыбнулся. Хотя Второв, самый старший из космонавтов, был по числу прожитых лет старше его, а остальные равны или немного моложе, он не мог отделаться от чувства, что все они в сравнении с ним дети. Он смотрел на них так, как мог бы старик смотреть на молодежь, с высоты своего жизненного опыта.

Волгин сознавал ложность этого чувства. Его друзья были, несомненно, выше его по знаниям, более развиты, чем он.

Волгин старался составить себе мнение о каждом из них. Ему очень понравились Второв, Озеров, Кривевский, Мельникова и Станиславская, Котов, с его суровостью и всегда мрачным лицом, произвел на него неприятное впечатление. К остальным Волгин еще не приспособился.

Он успел заметить, что Ксения Николаевна отличает Виктора от остальных. Он перехватил несколько ее взглядов, направленных в сторону Озерова, и был уверен в том, что его друг ошибается, говоря, что Станиславская равнодушна к нему.

Но о своих наблюдениях Волгин промолчал. Говорить об этом не стоило. Все выяснится само собой, когда придет время.

Старая, но вечно новая история!

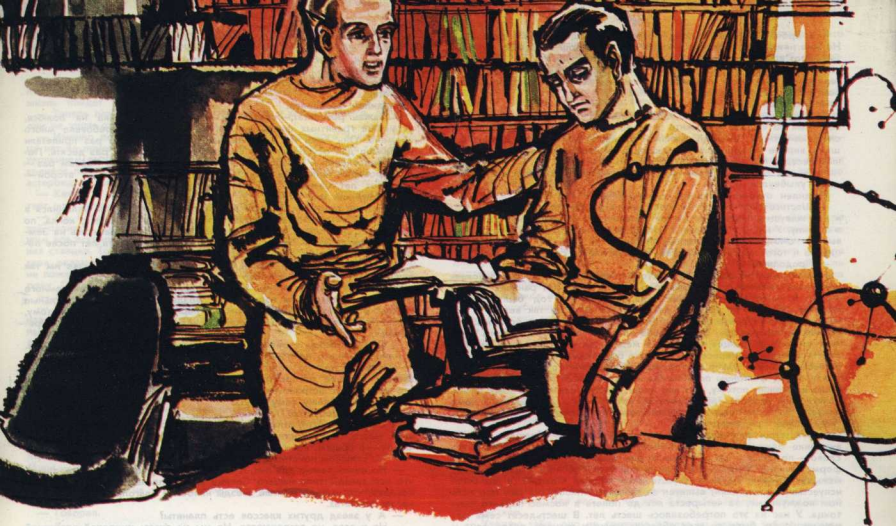
«А современные люди, — подумал Волгин, — могут ли они влюбляться? Я ни разу не замечал ничего, что могло бы ответить на этот вопрос».

Одно время ему казалось, что Владилена неравнодушен к Мари. Но они держались друг с другом так, что это впечатление рассеялось.

Любовь, дружба, взаимная симпатия и антипатия — все это не могло исчезнуть, должно было играть свою роль в жизни современных людей так же, как и у их предков.

Нет, хватит одиночества, пора, давно пора погрузиться в общую жизнь человечества!

Теперь это было легче сделать. Волгин был не один. То, что он чувствовал по отношению к окружающим, должны были чувствовать двадцать других людей. Они могли делиться впечатлениями, мыслями,

могли поддержать друг друга в тяжелую минуту сомнений, которые так часто являлись Волгину в дни его одиночества.

Второй обронил фразу: «Нам придется учиться с самого начала. И тут будет легче, они могут учиться вместе».

Мысли Волгина снова вернулись к последним дням.

Люций был прав: космонавты не пожелали расстаться с Волгиным, они попросили его взять их с собой, в его аэрет, и доставить в Ленинград. Второв, Мельникова, Котов, Федоров, оба астронома и Озеров были уроженцами Ленинграда. Остальные согласились сопровождать их и только потом покидать Москву, Киев, Варшаву. Все эти города существовали на Земле и носили те же названия, что и раньше. Джордж Вильсон был единственным в экипаже «Ленина», кто жил прежде не в Советском Союзе, и его родной город — Бредфорд, был old center шерстяной промышленности, — не существовал в это время.

— Ничего, — сказал Волгин, когда ему сообщили, что Бредфорда нет, — половину жизни прожил в Лондоне, а ведь он-то сохранился. Но Волгин настаивал, и Владимир согласился. Пятнадцатое место в машине заняла Мэри, которую пригласила Мельникова. Они обе почувствовали симпатию друг к другу при первой же встрече.

Космонавты так же, как он, не имели понятия о достижениях науки и техники за прошедшее на Земле время и в сравнении с современными людьми были подобны несмышляющему рабунку. Но они вели себя иначе, чем Волгин. Второв, Котов, Озеров засыпали Владилена вопросами, которые Волгину приходилось переводить так же, как и ответы. Слушая этот разговор, он понял, что сам допустил большую ошибку, опасаясь показаться «дикарем». Космонавты не боялись этого.

Они, если можно так выразиться, выставляли напоказ свою «неграмотность». Чувствовалось, что они и не помышляют удивиться и изучать современную жизнь, прежде чем окукнуться в нее, как это сделал Волгин. Они прямо и открыто «брали быка за рога».

Ответы Владилена позволили Волгину гораздо лучше и глубже понять устройство аэрета и принцип управления им, хотя он был знаком с этой машиной уже несколько месяцев, а не один час, как астрономы.

А когда Котов неожиданно попросил уступить ему место водителя и повел аэрет нисколько не хуже Волгина, он окончательно убедился, что избранный им путь неправилен.

«Что же, — думал он, — лучше поздно, чем никогда. Больше я не буду стесняться».

Вильсон и Кривонос заинтересовались карманным телефоном. И, к удивлению Волгина, ни Владимир, ни Мэри не смогли ответить на их вопросы.

— Все знает невозможное, — заметил Михаил Филиппович. — Обратился к специалистам.

В Ленинграде их ожидал приготовленный для них дом. «Дворец!» — сказал Кривонос. Этот дом в два этажа помещался на улице имени

Ирины Волгиной. Было совершенно ясно, что выбор продиктован заботой о Дмитрии Волгине.

Совпадение фамилий не ускользнуло от внимания Второва, и он спросил, случайно ли это.

Волгину пришлось вкратце рассказать о своей жене. Сочувственное молчание послужило ему ответом.

Потом Второв сказал:

— И вы и ваша жена заслужили бессмертие. Это должно утешать вас. — Я живу, — ответил Волгин, — а Ирина...

Второв не нашел, что ответить. Озеров обнял Волгина.

Первые два дня поток вопросов обрушился на Владилена, Мэри, Сергея. Космонавты хотели узнать и понять все сейчас, немедленно. Они не хотели ждать.

Подобно Волгину, космонавты целые дни проводили в Октябрьском парке. Но и здесь они вели себя совсем иначе. Расспрашивая обо всем, интересовались всем, они обращались к любому встречному, вели долгие беседы, затрагивающие все стороны жизни. Волье-неволье участвуя в этих беседах, так как без него собеседники не поняли бы друг друга, Волгин в два дня узнал больше, чем за все предыдущие месяцы.

Ему было неловко и даже стыдно. Замкнуться в себе, встречать все новое и незнакомое с внешним безразличием казалось ему теперь глупостью.

«Потеряно столько времени!» — думал он. — Откуда взялась у меня эта странная робость?»

Он рассказал обо всем Озерову.

— Мне кажется, что это было естественно, — ответил Виктор. — Ты был один. Это много значит. И еще мне кажется, что возвращение в мир таким путем, как случилось с тобой, не могло не повлиять на психику. Мы — другое дело. Никто из нас не умирал, мы продолжаем жить. Здесь огромная разница.

— А ты не боишься жить в одной комнате с бывшим покойником! — пошутил Волгин.

4

Знание Волгиным современного языка было еще не настолько полным, чтобы без затруднений читать любую книгу. Ознакомившись с предисловием к «Плуту планетам», причем ему пришлось один раз вызвать к телефону Люцию и обратиться к нему за помощью, Волгин решил, что дальнейшее чтение можно заменить рассказом Владилена, который как астроном должен был знать историю Фэтона.

Жизнь обитателей погибшей планеты раздвинулась на две резко отличные друг от друга половины: до катастрофы и после нее. Первая половина меньше интересовала Волгина, и ознакомление с ней можно было отложить. А то, что относилось к Новому Фэтону — плетне-бете системы Вегы, — то это была область чисто астрономическая, и Владимир, конечно, хорошо ее знает.

Волгин не ошибся.

Разговор произошел вечером того же дня.

— Я прочел,— сказал Волгин,— о том, как люди узнали о фатонцах. Но мне невольно, сколько раз и когда они прилетали на Землю.

— Это вопрос,— ответил Владимир,— интересовал ученых много лет. Ответ был получен шестнадцать лет назад, когда фатонцы прилетели к нам и пролетели над Землей свыше трех лет. Было достигнуто полное взаимопонимание. Лингвастина...

— Это что такое?

— Узкоспециализированный электронный мозг, способный изучать любой язык по «слушу» и служить переводчиком. Название произошло от слова «лингвист». Так вот, с активной помощью самих фатонцев это дело впервые удалось таким образом, давая возможность вести подробные беседы. Мы узнали все, что хотели.

— Ты так говоришь «мы», будто сам присутствовал при этих беседах,— улыбнулся Волгин.

Владимир ответил с полной серьезностью:

— Шестнадцать лет назад, в последние дни третьего века нашей эры и мы, живущие в девятом, не так далеки друг от друга, как они стали в старину. У них и у нас один и тот же образ жизни. Мы с детства привыкаем смотреть на последние тысячелетия как на другую жизнь одного и того же общества. Этим и объясняется слово «мы».

— Продолжай!

— Фатонцы рассказали нам историю своей планеты. Цивилизованная жизнь началась у них примерно на сто тысяч лет раньше, чем на Земле. Я имею в виду земные года, на Фатоне год был гораздо длиннее. Но, как ты увидишь дальше, этот срок не так велик. В общем, история их общества чрезвычайно напоминает нашу историю. Было неравенство людей, были рабство, классовое. Параллельно развивались дружба, любовь, Делитесь, лучше, чем мы, почитать, к чему.

Но ко времени переселения все это было уже в прошлом. Они сами согласны, что не будь у них единого общественного строя, по-нашему коммунизма, фатонцы погибли бы вместе со всей планетой. Спасение стало возможно потому, что все люди действовали по единому плану, делились друг с другом, давали друг другу, чем мы, почитать, к чему.

Но ко времени переселения все это было уже в прошлом. Они сами согласны, что не будь у них единого общественного строя, по-нашему коммунизма, фатонцы погибли бы вместе со всей планетой. Спасение стало возможно потому, что все люди действовали по единому плану, делились друг с другом, давали друг другу, чем мы, почитать, к чему.

— Прогресс шел медленнее.

— Да, гораздо медленнее, чем у нас. Я помню, например, что они открыли явление электризации почти за тысячу лет до появления в технике электродвигателей.

— Но чем объясняется такое темп? Что они, мыслят медленнее, что ли?

— Да, это так. Фатонцы очень похожи на нас. Они только очень маленького роста, их глаза больше наших, а лоб массивнее. Но за этим лбом течет медленная, словно ленивая, мысль. Их движения тоже за медленные, плывущие, словно по воде. И все их жизни, с нашей точки зрения, идет томительно медленно. Но они сами, конечно, не замечают этого. Мы оказались им слишком быстрыми, порывистыми, резкими в словах и поступках. Может быть, они считают нас даже жестоко мучающими. Им непонятна наша энергия.

— Но почему это так?

— Потому, что жизненная энергия, интенсивность развития находится в прямой зависимости от количества солнечной энергии, от количества тепла и света, получаемых планетой от Солнца. Фатон находится слишком далеко от центра нашей системы. И жизнь на нем возникла и развивалась неизмеримо медленнее, чем на Земле. Если она все же достигла высшей ступени, то это произошло потому, что Фатон в отношении остальных отношений был прекрасно приспособлен к жизни. И еще потому, что жизнь легко приспосабливается к любым условиям.

Медленность эволюции организмов повлияла на развитие мозга. Мозг фатонцев по природе своей инертен шаг.

— Значит, один и тот же путь мы проходили и проходим быстрее, чем они?

— Да. И мы все время их обгоняем. Вернее сказать, нагянем. В настоящее время они идут впереди нас, но немалого.

— Как? Ведь, насколько я понял, современная наука Земли находится на том уровне, где была наука фатонцев сто тысяч лет назад! Это ведь верно. Случай дальше. Если бы Фатон не погиб и фатонцы продолжили жить в солнечной системе, при всей медленности их развития, они обогнали бы нас по крайней мере на четыре-пять тысяч лет. Но дальнейшая жизнь фатонцев проходила под светом не Солнца, а голубой звезды Вег.

— На это указывает и автор «Пятой планеты», но не дает пояснений. Предположу очевидно.

— Мы уклонились в сторону,— сказал Владимир.— Ты интересовался, сколько раз фатонцы посещали Землю. Давай вернемся к этому вопросу.

— Я забыл об этом. То, что ты рассказываешь, очень интересно.

— Лучше соблюдать хронологический порядок. Так вот, фатонцы начали совершать межпланетные полеты, когда люди Земли были еще в первобытном состоянии. Они прилетали к нам во всем раз. Одна экспедиция отделилась от другой тысячелетиями. И, наблюдая жизнь Земли, ученые Фатона поняли, что эволюция на Земле идет значительно быстрее, чем это происходило у них. Прилетая к нам в очередной раз, они находили людей более развитыми, чем они сами, исходя из своего опыта. Это означало, что происходит последующее. Когда они узнали об участии, грозившей их планете, было принято решение оставить на

Земле указания, о которых ты читал в предисловии. Надо отдать им должное, они поразительно точно рассчитали время, когда люди найдут этот материал. Ошибка составила немногим больше тысячи наших лет. Это действительно!

— Согласен. Но сколько времени им потребовалось для этого расчета?

Владимир засмеялся.

— Важен результат,— сказал он.— Устройство тайника на полюсе, установка граничных фигур на Арсене— все это потребовало много времени. Они сами не могут сейчас сказать, сколько раз прилетали на Землю для осуществления своего плана. Вероятно, раз десять. После переселения к Веге они посетили Землю два раза. Первый раз— для проверки тайника и для установки аппарата связи, а второй— шестнадцать лет назад.

— Получили они сигнал?

— Нет— получили. Или он не появлялся вообще, или уклонился в сторону. С нетерпением ожидал сигнала и не получив его, когда, по их расчету, он должен был быть послан, фатонцы отправились на Землю без приглашения. Это случилось через тысячу триста лет после полета людей Земли дать этот сигнал.

— Ты сказал, что они ждали с нетерпением. Почему? Разве им так важно было получить сигнал?

— Да, очень важно. Чтобы ты понял дальнейшее, я должен немного сказать о звездах и их излучениях. Звезды делятся на спектральные классы, от самых гигантов до красных карликов. Я говорю это потому, что в твое время не были известны звезды по обе стороны этих пределов.

— О! Ты можешь с равным успехом приводить и новейшие данные. Я никогда ничего не понимал в астрономии.

— Нам достаточно и этого. Солнце принадлежит к классу желтых звезд, наиболее распространенных во Вселенной. Раз ты говоришь, что не слишком почетно для людей,— заметил Волгин.

— Но очень важно для них. В твое время не знали, но теперь знают, что все звезды типа нашего Солнца имеют планетные системы. Установлено, что именно желтые звезды наиболее благоприятны для жизни на их планетах.

— А у звезд других классов есть планеты?

— Не у всех, но встречаются. Но мы не знаем ни одной планетной системы таких звезд, где возникла бы жизнь. Кроме Веги, но на ее крайней планете жизнь появилась разве, можно сказать, насильственным образом. Я говорю о фатонцах.

— Это я знаю. А много ли планетных систем с жизнью? Или это очень мало? Но наличие жизни еще не означает появления разумной жизни. Планет, где появились высокоразвитые существа, способные мыслить, пока известно совсем мало.

— К этому вопросу мы вернемся. Говори дальше.

— Тогда не отвлекай меня. Установлено также, что звезды спектрального класса Вега наиболее благоприятны для возникновения жизни, но и вредно влияют на живые организмы. Этого не учли фатонские ученые. Или они надеялись искусственно нейтрализовать вредные излучения голубого солнца. Отчасти им это удалось, жизнь на Новом Фатоне не погибла.

— Я что-то плохо понимаю.

— Сейчас попытаюсь все. Излучения голубых звезд оказывают тормозящее действие на развитие мозга. И не только мозга, но и вообще уменьшают жизненную энергию. Фатонцы узнали об этом слишком поздно. И без того медленное развитие их организмов еще более замедлилось у Вег. Повторяю, если бы они были менее развиты, они погибли бы эволюция пошла бы назад. Они потеряли бы все, что было завоевано тысячелетиями, и постепенно превратились снова в диких, а затем и в животных. Только высшая культура спасла их от этой участи. Но дальнейшее движение вперед почти полностью прекратилось. Они застыли на одном месте. Жизнь превратилась в пассивное состояние, способное только поддерживать уже достигнутое, но не создавать нового. И только то, что есть подлинная жизнь. Правда, мысль работала, но как? За сто тысяч наших лет почти миллионная их популяция подвинулась по пути прогресса настолько, насколько мы, на Фатоне продвигаясь за одну тысячу лет. Вот почему я сказал, что фатонцы впереди, но немалого. Если бы они остались у Веги, люди Земли достигли бы их очень скоро.

— Значит, они снова решили переселиться?

— Не совсем так. Не переселиться, а перейти в другую планетную систему, к более благоприятной солнцу.

— Это и означает переселение.

— Допустим,— сказал Владимир,— что мы с тобой решили переехать в другой дом. Мы съезим в аэролет и переселимся. Но если мы хотим жить на новом месте в этом доме?

— Тогда придется перенести дом.

— Вот именно. И это уже нельзя назвать переселением.

— Значит, ты хочешь сказать,— как раз это. Наука и техника фатонцев дает им возможность перенести дом на другое место. Курочье говядина, совершить переезд в другую планетную систему, не покидая своей планеты.

— От одной звезды к другой?!

— Что ж ты удивительного! Это гораздо удобнее.

— Твое хладнокровие воспитательно, Владимир! Действительно! Совершить космическое путешествие, не покидая квартир! Чего проще! Это означало бы переезд на новое место.

— Все это не так уж сложно. Если имешь возможность воздействовать на гравитационное поле, то становишься хозяином орби-

ты планеты. Фэтонцы заставили планету двигаться по спирали, отдаляясь от Вегги. А когда освободились от притяжения звезды, направили свою плут к Солнцу.

— К Солнцу? Значит, они возвращаются сюда?

— Ну конечно. Солнечная система — их родина. Только здесь через несколько поколений исчезнут все следы влияния глобуса солнца, и жизнь поглотит их.

— Теперь понятно, — сказал Волгин. — А то я хотел спросить, почему они не ушли от Вегги гораздо раньше.

— Именно потому, что другой звезды спектрального класса Солнца нет на приемлемом расстоянии. И именно поэтому они с таким нетерпением ожидали сигнала. Им нужно вернуться на то место, где находится первый Фэтон. Но оно занято его же обломками, поясом астероидов. Только мы, люди Земля, можем помочь им.

— Кажется, я все понял. Очистительные отряды, в которых работает мать Мари, созданы для этой цели?

— Да. К моменту прилета фэтонцев надо очистить орбиту для лётной планеты, которая снова появится в солнечной системе. Мы уничтожим все астероиды. На Марсе уже строится сверхмощная гравитационная станция. Только для того, чтобы в случае помех со стороны Юпитера оказать помощь фэтонцам. Но можно надеяться, что Юпитер не помешает. По нашим расчетам, он будет находиться по другую сторону Солнца.

— Момент прилета точно известен?

— Конечно. Когда фэтонцы были на Земле, шестьсот лет тому назад, их планета уже покинула Веггу. Они были совершенно уверены, что смогут уже сейчас помочь им. И не ошиблись. Травектория полета, скорость движения — все точно известно.

— Но если так, зачем строить станцию на Марсе?

— В таком деле нельзя ничем пренебрегать. В расчеты могла вкратиться ошибка, или кто-нибудь непредвиденное может изменить данные полета. Фэтонцы хотят рисковать целым человечеством.

— Когда же они прилетят?

— Фэтон будет на линии своей новой орбиты первого июля девятьсот семьдесят девятого года. Если ничто не помешает.

— Значит, мы не увидим этого события?

— Почему? Осталось сто девяносто лет. Фэтон уже близко. Муниций или даже Люций вряд ли доживут до его прилета. Но ты, я, Мари — мы увидим его.

— Я?

— Разве Люций не говорил тебе, что ты проживешь не менее ста двадцати лет?

— Говорил.

— Ты не веришь ему?

— Волгин промолчал. Он действительно не мог верить отцу в этом вопросе. Ему казалось, что Люций говорит так из чувства сострадания, желая убедить Волгина в том, что он ничем не отличается от других людей. Чудовищное потрясение, которое испытал его организм, умерший и воскресший, не могло, по мнению Волгина, продлить жизни, а как раз наоборот, должно сократить ее. Люций жалеет его и не говорит правды.

— Хорошо, — сказал Волгин. — Допустим, что я в проживу сто двадцать лет. Фэтонцы прилетят через сто девяносто лет...

— Понимаю, что ты хочешь сказать. Но наука многое узнала и многое научилась с тобой. Не сомневайся, что ты сможешь прожить дольше. Так же, как любой из нас.

— Например, Муниций?

— Ему уже под двести. Вряд ли он захочет.

— Разве дело только в желании?

— В большинстве случаев именно это. Возьмем Муниция. Если он захочет бы во что бы то ни стало увидеть прилет фэтонцев, он мог бы воспользоваться анбиосомом.

— Это слово мне ничего не говорит.

— Человека можно погрузить в сон настолько глубокий, что он граничит с состоянием анабиоза. В таком сне организм замедляет, сердце почти не бьется, питание вводится искусственно. Анабиосом может прожить от ста до двухсот лет. А проснувшись, человек снова начинает жить. Перевые не сказываются на общей продолжительности активной жизни. Любопытно, что после анабиоза человек внешне молодеет, исчезают морщины, седые волосы.

— Ты мне напомнил. Я давно хотел спросить: почему у вас сохраняется старость, вешняя, конечная? Разве наука не может создать человеку вечную молодость? Олять-таки анбиосом.

— Вполне может. Морщины, седина — все это легко устранимо. Но, как это ни странно, сами старики не хотят выглядеть молодыми. За исключением исключений. К таким исключениям принадлежит Исосиф, которого ты видел в Космограде. Знаешь ли ты, что он старше Муниция?

— Этому трудно поверить. Исосиф выглядит ровесником Люция.

— Он старше его больше чем вдвое. Но таких «любителей» очень мало.

— Вероятно, это происходит потому, что у вас долго длится естественная молодость. С точки зрения моих современников, Люций — дряхлый старик. Ведь ему больше восьмидесяти лет. А выглядит он тридцатилетним. То же самое и с женой Люция — Эрой. Кстати, сколько тебе лет, Владимир?

— Тридцать два.

— А Мари?

— Не знаю. Спроси ее сам.

— Женщинам не принято задавать такие вопросы. Или у вас это можно?

— Почему же нельзя? Но у нас вообще не принято спрашивать о годах.

— В таком случае извини за мой вопрос.

— С твоей стороны он вполне уместен.

— Вернемся к Фэтонцу, — сказал Волгин, которому показалось, что Владимир как-то нервничает. — Сколько лет он уже летит?

— Скоро будет ровно полторы тысячи. Много поколений фэтонцев провели всю жизнь между Веггой и Солнцем.

— В темноте и холоде?

— Нисколько. Планета согревается и освещается искусственным солнцем, которое обращается вокруг нее. Фэтонцы в пути пользуются теплом и светом, подобным нашим, солнечным. В этом отношении им лучше, чем было у Вегги.

— Почему же тогда они не удалились в пространство гораздо раньше, не ожидали ада от Вегги?

— Искусственное солнце греет и освещает, но оно лишено многих излучений, необходимых живым организмам. Полторы тысячи лет еще терпимо, но больше...

— У тебя на все есть ответ.

— Я здесь ни при чем. Все обдумано самими фэтонцами.

— Еще один вопрос. Почему фэтонцы не прилетали на Землю за эти шестьсот лет? Разве их не интересует, как идет работа очистительных отрядов? Мне кажется, они должны были следить за этим.

— Они вполне доверяют нам. Но Земля — слишком жаркая планета для фэтонцев, особенно после того, как они столь долго жили на окраине системы Вегги. Когда они были на Земле, для них создавали холодный климат, почти все время они провели в Антарктиде.

— Антарктида не нуждается в искусственном холоде.

— Ты ошибаешься. Антарктида — тропическая страна. Над ней уже больше тысячи лет сияет искусственное солнце. Но, если фэтонцы не были бы больше на Земле, это не значит, что они вообще не прилетали в солнечную систему. Чем ближе Фэтон и Солнцу, тем легче им совершить полеты к нам. За шестьсот лет у нас было шесть фэтонских кораблей. Но они останавливались на Марсе или на Церере. Последний корабль еще не улетел.

— Так фэтонцы здесь?

— Еще нет. Но группа ученых, которые работают над проблемой ускорения акклиматизации, предстоящей населению Фэтона. Они хотят как можно скорее привыкнуть к лучам Солнца, и это очень разумно.

— Хотел бы я их увидеть! — вырвалось у Волгина.

— А кто мешал тебе?

— Только не по телефону, а в натуре, как вы говорите.

— Хотите-таки, кто тебе мешает? Слетать на Марс — это пустяк. Можешь отправиться с любым рейсовым ракетопланом.

— Да, пустяк! Да, вас, но не для меня. Совершить межпланетное путешествие...

— Уверю тебя, они не сложное полета на хорошо тебе знакомом аэростате. Только пейзажи за бортом будут новыми.

— А невесомость или повышенная тяжесть?

— Ни того, ни другого. Ускорение нейтрализуется антигравитацией. Также обычная на всем протяжении пути.

— Сколько времени надо лететь?

— О, совсем немного. Марс находится сейчас на расстоянии около двухсот миллионов километров от Земли. В билое время, когда условия ограничивались пределами выносливости человеческого организма, на этот путь потребовалось бы несколько месяцев или даже лет. Сейчас можно принять любое ускорение, пассажиры его не ощущают. Ракетопланы, служащие Землю с Марсом, половину пути летят с положительным ускорением, а вторую половину — с отрицательным. И это ускорение очень велико. Я не помню точно, но кажется, что полет на двести миллионов километров занимает примерно шестьдесят часов.

— Чот?

— Я сказал примерно. Погоди, я сейчас скажу точно. — Владимир на несколько секунд задумался. — Ну да, я прав. Пятнадцать часов сорок семь минут и четыре секунды.

Волгин уже несколько раз мог убедиться, что современные люди способны производить в уме с непостижимой быстротой вычисления, которые были бы сверхчеловеческими надоступны даже взрослому человеку его поколения. Его не удивило, что Владимир так быстро назвал цифру, но сама эта цифра, такой срок межпланетного полета, глубоко поразила его.

— Ты же сам сказал, что не знаешь точного расстояния до Марса, — сказал он.

— Я вспомнил точно.

— Это непостижимо! Шестьдесят часов!

— И это еще слишком долго. Но ракетопланы не могут развить большого ускорения. Пока не могут.

— Ну, если так...

— Слетай на Марс. Ты там еще не был, тебе это будет интересно. Я уверен, что Виктор и другие с удовольствием согласятся лететь с тобой.

— А ты?

— Если хочешь, и я полечу. Я всегда в твоем распоряжении.

— Так вот почему, — задумчиво сказал Волгин. — Второе так удивлялось, что они не нашли Фэтона в системе Вегги. Его там уже не было.

— Да. «Ленни» имел задание достигнуть звезды 61-Лебеда. А на обратном пути отыскать Новый Фэтон и выяснить, почему фэтонцы не разглядели на послышанный сигнал.

— Скажи, управление ракетопланом сильно отличается от управления аэролетом?

— Почти то же. И там и здесь биотки. Но ориентировка в фазе, конечно, требует специальных знаний.

Конеч второй части.

Третья часть будет опубликована в «Смене» в 1962 году.

ПОЧЕМУ ОНИ ОДИНОКИ?

Вы уже посмотрели на этот кофейный сервиз и на «Модигу», на рыб и тарелки для фруктов, на вазы для конфет и цветочных аиста. Они поражают не только новизной и оригинальностью форм, но и необычностью рисунка, яркой гаммой красок. И что самое примечательное — все эти вещи сделаны из пластмассы.

Вы, конечно, заинтересовались, где приобрести эти вещи, и готовы написать в редакцию письмо, задав именно этот вопрос. Кто-то из вас вспомнил и статью «Жизнь требует», опубликованную в четвертом номере «Смены» почти год назад. В ней говорилось не только об эстетике нашего быта, но и о причинах, тормозящих выпуск предметов декоративно-прикладного искусства.

Пятая фотографии новых изделий из пластмассы, «Смена» возвращается к поднятой ранее теме. Мы публикуем корреспонденцию С. Марьева, присланную из г. Сочи.

Около здания художественного салона в г. Сочи часто стоит длинная очередь. Рассказывают, что в дни продажи изделий сочинских художественно-производственных мастерских директор предприятия Николай Андреевич Петран с трудом поспевает на работу: покупатели требуют предъявить удостоверение... И все из-за «сочинской пластмассы».

В салоне есть книга отзывов. Вот записи, которые я взяла из нее.

«...Дизайнеры — народ бабованный... Нас ничем не удивить. Но работа сочинских мастеров поражает изобретением...»

«...Желательно видеть все это не только в Сочи, но и в других городах страны...».

«...Это прекрасно! Это замечательно! Быстрее на полки магазинов!»

В самом деле, почему же «этого» нет в магазинах? Десятки художников и мастеров-умельцев создают для сочинских художественно-производственных мастерских интересные произведения из пластмассы. Но одно дело — эскиз или модель, а другое — готовое изделие.

Много технических трудностей пришлось преодолеть сочинцам, чтобы научиться делать сложные, многослойные изделия из разноцветной пластмассы. Пришлось создавать свои оригинальные пресс-формы и переделывать прессы для изготовления деталей асимметричной формы. Здесь, к примеру, впервые в гидропрессах были применены манжеты из полиэтилена. Именно рационализаторские предложения сочинских мастеров и механиков помогли создать единственную в нашей стране технологию обработки пластмассы.

Но коллективу талантливых умельцев приходится работать в необычайно сложных условиях. Помещение пластмассового цеха, который возглавляет большой энтузиаст своего дела Александр Михайлович Косевич, представляет собой, по существу, сарай, разделенный перегородками на маленькие комнатки, общая площадь которых не превышает 200 квадратных метров. Много ли сделается на такой «производственной площадке»!

Для пластмассового цеха строится новый трехэтажный корпус. Но когда он будет готов? Ноябрь 1960 года, июнь 1961 года, октябрь 1961 года — давно миновала бесчисленные сроки сдачи корпуса в эксплуатацию. Но вот, как говорится, и дыме

Сочинцам нужно помочь. Новое здание площадью в 600 квадратных метров при расширении оборудования даст возможность в несколько раз увеличить выпуск продукции. Но это еще не все...

Н. А. Петраш с карандашом в руках подсчитывает, что даже в этом случае сочинская пластмасса еще вырвется за пределы города — все будет раскупаться на месте. А как сделать, чтобы во всех уголках страны появлялись столь полюбившиеся всем, кто их видел, изделия из пластмассы? Очевидно, Художественный фонд РСФСР и Союз художников СССР должны серьезно задуматься над распространением ценного опыта сочинцев. Может быть, целесообразно построить в ряде городов аналогичные производственные цехи-филиалы и организовать в них разноможное производство, созданных в Сочи? Ведь внешние тиражи — это капля в море не только для страны, но даже и для самого города, где рождается чудесная продукция.

Увеличение тиража позволит привлечь к разработке образцов лучших мастеров прикладного искусства из разных городов страны, снизит розничные цены на продукцию из пластмассы, даст возможность увеличить ассортимент предметов.

Производственные филиалы смогут полностью заместить технологию, разработанную в Сочи, а образцы станут своего рода «матрицами», с которых по мере надобности будет «печататься» дополнительное количество изделий.

Думается, что комсомолы, и в первую очередь Сочинский горком ВЛКСМ, должны взять шефство над этим большим и нужным делом. Почему сочинской молодежи не построить производственный корпус своими силами, методом народной стройки? Это сделать можно и нужно. Этого требует сама жизнь.

КРОССВОРД

Юр. ЛУКАШОВ

Мне хочется рассказать не о рекордсмене или чемпионе, не о мастере спорта, а о рядовом физиокультурнике, сумевшем мужественно преодолеть постигшее его несчастье.

Коля Смирнов метал старт футболистом. Так бы, вероятно, и случилось, потому что он был настоящим и талантлив. Но в 1944 году в результате несчастного случая Коля лишился обеих ног по колено. Ему исполнилось тогда десять лет...

О спорте лучше было не думать. Врачи не обнадивали Колю.

После ампуляции началась долгая процедура подготовки ног и ношению протезов. Сначала мальчуган ходил на временных деревянных протезах, через месяц встал на настоящие. Сразу начал ходить без помощи. Выбрав из больницы, продолжал заниматься лечебной гимнастикой для улучшения подвижности ног. Многого укреплял и привыкал ноги к протезам. По утрам делал зарядку. Постепенно научился ходить так, что протезов и хромоты не было заметно.

Какую дорогу в жизнь избрать? Кем быть? Коля поступил учиться в профессионально-техническую школу обществу. Окончив ее в 1951 году со специальностью сапожника и был направлен на работу в промышленную артель по ремонту обуви. Еще участв в профтехшколе, вступил в члены общества «Спартак». Начал играть в шахматы и шашки. Однако это не удовлетворило. Организм требовал движения. Коля был упорен в достигнутой цели. Летом 1951 года он впервые сел на велосипед. Выпадение трудно было держат ноги на педалях. Приходилось их пригнзывать сначала — обе, затем — одну. Потом привык, отказался от веревки, оставшая же ноги свободными. В конце концов ездить научился. Однако и велосипед не принес удовлетворения. Попытался кататься на коньках, но не тут, казалась перспектива не было...

В 1952 году Николай пришел в горнолыжную секцию общества «Спартак». И начался его «хождение по журавлю». Основные препитствия

и занятиям возникли со стороны врачей, которые категорически запретили юноше заниматься спортом. После настоящих просьб Смирнова направили на комиссию в городской врачебно-физиокультурный диспансер. Но и там и нежеланию юноши отнелись формально, ничем не помогли. Тогда Николай обратился в Научно-исследовательский институт физиокультуры. Там составили заключение о возможности занятий спортом... лишь при условии разрешения врачей. Словом, заколдованный круг замкнулся. Не мелка брать на себя ответственность, врачам заняли Смирнову путь к горнолыжному спорту.

Но Николай не сдавался. Препитствия лишь подталкивали его. Он стал заниматься сломом самостоятельно. Большую помощь ему оказал тогда молодой тренер «Спартака», горнолыжник и альпинист Олег Павлович Тихонов. Интересно история их знакомства. Николай пришел на занятие секции и, дождавшись окончания, подошел к тренеру.

— Я член общества «Спартак», работаю в артели и хочу заниматься сломом.

— Показуйте. В следующую раз захватите канюй-нибудь тренировочный костюм и обувь, — ответил Тихонов.

— Но я ничем не ною... Тихонов не знал, что ответить. Однако вскоре получасового разговора с Николаем, истории вперед, легко вступил на подмогу, Олег Павлович изменил свое первое впечатление о Смирнове. Он по-настоящему заинтересовался Смирновым. Тиховна покорили воли Николай, его мужество и настойчивость. Все первоначальные сомнения сломов, фактов и методов тренировок приходилось менять. Подбирал специальные лыжи, лыжи, ботинки, реконструировал крепления, усилил протезы. Полноту Тихонов обратился в различные медицинские учреждения, убедая врачей допустить Смирнова и соревнованиям.

...Николай впервые неофициально выступил

в соревнованиях в конце зими 1952 года и показал тогда время третьего разряда. Как выясно этот результат, если он показав здоровью мужичиной И самим блестящим его можно считать, если учесть, что достигнут он человеком, у которого на обеих ногах вместо ступней и голени — протезы! Для людей, знающих, что такое сломом, несл огромный труд, проделанный Смирновым...

Трассы тренировочных дистанций построены и усложнены, переходо от пологих гонок с плавными поворотами к более крутым склонам с резкими изгибами. Все более совершенствовались техника и тактика. Выработались время прохождения дистанции. Выработались свой стиль, свой «почерк». Росло спортивное мастерство Николая.

Первым врачом, подписавшим заявку на участие Смирнова в соревнованиях, была Любовь Ивановна Бродникова (Бродникова), работавшая старшим врачом Ленинградского «Спартак». В них Николай подтвердил третий разряд. Три года подряд участвовал он в этих соревнованиях и стал второразрядником. А в 1956 году Николай впервые выступил на всесоюзных соревнованиях «Спартак» в Алматы. Совершенно с лишнейгином горнолыжниками обществ (в числе их были и мастера с север и юго-первозарядников), Николай занял в сломе-гиганте 25-е место из 37. Ступил три года Смирнов снова в список номинантов на всесоюзном первенстве «Спартак». Впервые выступил на всесоюзном первенстве в лыжах на дистанции первого разряда.

Добавим еще, что летом Николай занимается греблей, плаванием, специальной гимнастикой, немного велосипедом. Он считает, что не достиг среднего уровня в лыжах, поэтому в декабре 27 лет и твердо надеется в ближайшие годы стать чемпионом страны по лыжам. Результат первого разряда. Там, наверное, и будет.

А сейчас главное дело не спорт. Надо учиться, много учиться. Николай Смирнов решил получить аттестат об окончании средней школы. А там, возможно, и большеши.

Фото М. МУРАЗОВА.

КРОССВОРД

Составил В. КУРЕНОВ.

По горизонтали:

- 5. Падаяющая звезда.
- 6. Популярное произведение коммозитора 20. Массне.
- 8. Старинная европейская морская ладья.
- 14. Утрищательный колосс аккумулятора.
- 15. Оптический прибор для изучения спектров исследований.
- 16. Серж наименово гда.
- 18. Кровеносная артерия.
- 19. Кровеносный сосуд.
- 22. Отрицательное слово.
- 23. Планция для выставки картин.
- 24. Сорт наименово гда.
- 25. Судло с двигателем внутреннего сгорания.
- 30. Автор Виолетто театро учение.
- 31. М. С. Щеглова.
- 32. Дюринг машина.
- 33. Малий японский часовой форма.
- 36. Олень, разводимый в питомнике Пальмею Востова.
- 37. Самоуправление части населения

- в границах страны, государств.
- 38. Поверхность шара.
- 41. Осадочный горный порода.
- 42. Английский ученый.
- 43. Основатель теории развития жизни.
- 44. Косой треугольный паук.

По вертикали:

- 1. Род зачатия. 2. Изображение. 3. Море. 4. Море. 5. Море. 6. Море. 7. Море. 8. Море. 9. Море. 10. Море. 11. Море. 12. Море.

По горизонтали:

- 5. Лайка. 6. Денеб. 9. Волопас. 10. Стрелец. 14. Тихон. 15. Космопат. 16. Мезон. 19. Капелла. 22. Селенин. 23. Радант. 24. Натрий. 25. Каспор. 29. Перией. 32. Фанст. 33. Фарадей. 36. Цейфер. 37. Кыбальчон. 38. Радио. 41. Актиний. 42. Спунтин. 43. Сутки. 44. Эрбий.

По вертикали:

- 1. Сарос. 2. Экватор. 3. Центр. 4. Север. 7. Володод. 8. Лебедев. 11. Титан. 12. Молиар. 13. Бодил. 17. Альмагест. 18. Геллиграф. 20. Галлия. 21. Антарес. 26. Ригель. 27. Факел. 28. Стрелка. 30. Гагарин. 31. Гелий. 34. Лисичка. 35. Гиппарх. 39. Синус. 40. Отлив.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

СИМФОНΙΑ НА ЛЬДУ

Танец «Тачанина»

Около трех лет назад «Смена» рассказала своим читателям об удачном дебюте первого советского балета на льду. И вот недавно во Дворце спорта в Лузниках москвичи познакомились с новой работой этого молодого, талантливого коллектива — «Снежной симфонией». Сравнивая первую и вторую программы ледяного балета, следует прежде всего отметить значительный рост мастерства как солистов, так и всего ансамбля в целом. Танцы в исполнении Галины Бесковой, Ирины Голоцоловой, Земфиры Мустиковой, Александра Енина, Владимира Яноускиса, Владимира Лузина неизменно вызывают аплодисменты зрительного зала. Влебули отточенной техникой парного катания и новые солисты балета, четырехкратные чемпионы СССР, призеры первенства Европы Инна и Станислав Жук, хотя их выступления пока слабо связаны со всем представлением и как будто как бы вставлены номерами.

В «Снежной симфонии» зрители увидели немало интересных по замыслу, оригинально поставленных танцев — «Тройка», «Лиса и бобер», «По улице мостовой», «Танец с зонтиками» и другие. Вместе с тем хочется посоветовать коллективу балета и в первую очередь постановщику, народному артисту РСФСР Л. Лавровскому при дальнейшей работе над репертуаром не упускать включения в программу чужеродных номеров, вроде зонтирования светящимися тарелками в темноте. Этот номер, вполне уместный в цирковом представлении, к балету на льду не имеет никакого отношения.

Фото М. МУРАЗОВА.

Отрывок из балета «Золотые яблони».

«Испанский танец».

Танец с эспадронами.

Первая страница обложки: рисунок художника О. ВУКОЛОВА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, В-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; очерка и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; юмора и сатиры — доб. 4-79; писем — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-85-82; информации — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Дюмасткий, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Кочетов, В. Л. Разумный (заместитель главного редактора), Е. И. Рибчикова, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Б. Стуков.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудкин и а.

А 00395. Подписано к печати 18/ХІІ 1961 г.

Тираж 800 000 экз. Изд. № 2329.

Заказ № 3198. Формат бумаги 70×108¹/₂.

2 б. л.—5,48 и. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда», Москва, ул. «Правды», 24.

В. КОНСТАНТИНОВ,
Б. РАЦЕР

ЗЛОКЛЮЧЕННЯ ДЕДА-МОРОЗА

Шел по улице московской
В теплой шубе дед-мороз,
Шел походкой стариковской,
В воротник упирая нос.
Деловито и серьезно
Размышлял он на ходу.
«Размышляю, что оговорить?»
В истекшем году?

Вот огни большого клуба,
Дед зашел на огонек,
Конфетти достал из шубы,
Свечи ярике зажег.
Но на деду все смотрели,
Так сказать, разинув рот:
— Извини, но в счет апреля
Наш работает завод.
На душе у всех весна,
Заползай ты, старина!

Заваня в душе обиду,
Не выжил пожелка дед.
— Попрошу до Актартиды
Иль до Арктики билет.
Там стужа мороз суровый
Дни и ночи напролет,
Там ведь многометровый,
Самый красивый в мире лед.
Но наиср ответил: — Что вы!
Там ведь наш аэровокзал! —
— Да, — бавляя руками дед,
— Там работы тоже нет.

По Негайнико, по Арбату
Он бродил всю ночь подряд
И как раз пришел к ребятам
В свой подшофный детский сад.

Налетели дети сваяй
И — чего уж тут хитрить!
Начал сказки говорить,
Рассказал им о Дяд-Птице,
О летавшем ковре.
Только видит — необычный
Не по вкусу детвора.
Завил курносый Петя:
— Как от жизни ты отстал!
Давно в асилах знают дети,
Что Гагарин на ракете
Или на воздушне летал!

Дед-мороз вздохнул печально
И отправился в «Главред»
— Принимая дела, начальник,
Видно возраст мой не тот!..

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ШУТКИ

За лучший костюм.

Рисунки В. Недогонова.
По теме В. Тильмана.

— С Новым годом!

Рисунки Р. Овняна.

Елки кончились.

Рисунки М. Ушаца.

— А вы, ребята,
что же не наполните
кубок? —
«Чету...» В Донбасс
уехали!..

Рисунки М. Марьямова.

Слапом браконьера.

Рисунки В. Тильмана.

НОВОГОДНИЙ МЕМОРАНДУМ

Уважаемые любители шуток Дорогие друзья!
В наш скромный клубе давняя традиция: всеобщий — новогодний — и свой, авторственный годошник. Скоро год, как появились на страницах «Смеши» эти веселые человечки с бумажными «ИШ» в руках.
Год для «Клуба любителей шуток» — солидный возраст. К этому времени он должен смеяться осмысленно, басном и показывать острые зубы. С него уже можно спросить, а что ты сделал доброго? Излучал ли ты электронны смех? Заставил ли людей задуматься, что-то полюбить, а что-то возненавидеть? И как ты, веселый молодец, дальше думаешь жить?

Любопытным был прошедший год в «Клубе любителей шуток». Найдется в его работе кое-что хорошее. И самое главное из хорошего — это активность членов клуба.

Наша статистика иррегулярна (но с учетом ответственности за принятые установки), показывает, что популярнее слова для выступления в клубе около 3 тысяч любителей.

Выступили на клубе успели 180 — кто с прозаическим словом, кто со стихом, а кто с рисунком.

Мала площадь клуба в журнале, но географий участников он размахнулся на необычные просторы.
Китайский город Шиньин и заполярный поселок Линнахамар, солнечный Ташкент и снежный Свердловск, Симферополь и Юрсапов-Саванский, маленькая грузинский город Лагоджи и столица Украины Киев — вот названия городов и весей, которыми можно было встретить рядов в наших выпусках.

Значит, для шуток никакие широты и климаты не противопоказаны!

Звание «Античный член ИЛШ» по праву заслужили худомники Р. Овьяна, В. Тильман, Б. Чупринкин, В. Арсенев, Ю. Пупуланов и А. Федоров; стихотворцы В. Константинов и Б. Рацер, В. Чубенко и Р. Киреев; авторы «чуждо-мало» А. Васильев, Г. Розовый, Б. Космонов. Наши активисты выступили по несколько раз, с трудолюбием пчел несли в ИЛШ рисунки смешного, веселые мысли и неустойчивый ум.

Однако и в праздничных смехах не всегда говорят только о хорошем. Было у нас немало серого, немало пустого, немало скучного.

Или, если кратко, наоборот, было у нас мало любознательного, мало острого, мало общественно значимого; было и такое, что уже «было».

Нашиль среди наших любителей шуток любители заглянуть за цветные остроурия в чужой сад. В точности, как тот мальчик из известной шуток, которому нам прислали как «собственное творчество» сразу семь человек!

«Де ты нарвал цветов? — У соседа в саду, мам. — А он знает об этом? — Ну, конечно! Он же гулял за мной с палкой!»

От некоторых мы не убереглись, но в ИЛШ просичили шуток, уже печатавшихся в других изданиях.
Так «блеснуль» остроурия «любители»: Э. Уртутрашвили и Е. Хмельский.

Они выудил «шутку-малютку» из прошлогоого календаря, другой — миниатюры «Общая черта» и «Уединенный уголок» из районных газет. С чем это связано? Выглядит ли он, в распыленном-добродушного шуток, имористическое «облако в шталах» или достарет до клуба-бойца, до всеяного остроурица с бесновонным и горячим сердцем?

Слово за вами, дорогие друзья, любители шуток — смеюсь.

Ответ, нам кажется, может быть только один: клуб должен стать клубом-бойцом, клубом бесновонных сердць.
Не только улыбаться, но и хохотать. Не только шутить, но и выслушивать. Не только подмечать «лохот», но и бороться с ним. Бороться сильными оружием иррегулярного воздействия — смеюсь.

Должны появиться у нас новые «монстретные» рубрики.

«Шутки в сторону» — смешны мы, публикуя в ИЛШ фельетон о каком-нибудь «тюре» из нашего времени — туляцкие, павлицкие, грузинские или сельбаюцкие.

«Алгодонствонен не будет» — предупредим мы, печатая критические строны о тех, кто не выполняет свои обязательства, выпускает брак или не помогает товарищу в работе.

Для материалонен на подобные темы ИЛШ расширяет свой почтовый ящик. Идем писем, деловых, острых, по всея итешиским вопросам и проблемам, по явлениям, с которыми мы можем мириться настоящим советским человеком.

В стряпанье домы в нашем доуде сатирики и имористы ответственны за честноту. Давно известно: выметать иусор, тыкать палецы протархатюна от пыли, чтобы в башке было больше светлеца, чтобы люди лучше видели хорошее и не спотыкались о плохое. Наш всеяный форум процветает.

С Новым годом, дорогие друзья! Счастья вам и успехов!

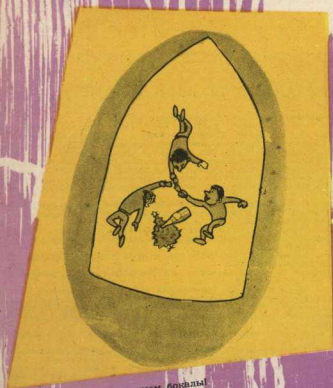
ПРАВЛЕНИЕ ИЛШ

— Далека ты, путь-дорога!
Рисунок Р. Коняшова.

В новогоднюю ночь
Маре: — Ного вдеши!
Венера: — Человечка!
Рисунок Г. Франсера.

— Поднимем бокалы!
Рисунок В. Тильмана.

— Тебе не кажется, что это настоящий марсианин?
Рисунок Р. Овняина.

Елка у космонавтов.
Рисунок Г. Иоровина.

— Пожалуйста, мы случайно
выбрали последнюю
цивилизацию.
Рисунок В. Петрова.